

Заблуждение

МИСС

ЛОРЕЛИН МАКГИ

Джейлин Ким — независимая женщина, у нее никогда не было мужчины, который бы указывал ей, что делать. Но, когда ее горячий и таинственный сосед открывает ей несколько новых правил в спальне, Джейлин должна научиться уступать контроль... если хочет отдаться безудержной страсти.

Содержание

Глава 1

Джейлин не стала ждать, когда мужчина выйдет и откроет для нее дверь, и вышла из машины. Казалось, его манеры отточены так, что он собирался это сделать, но она не относилась к такому типу девушек, что, вероятно, и стало причиной неудавшегося вечера. Но даже если причина в другом, она как можно скорее хотела оказаться максимально далеко от его надменного присутствия.

Да, мужчина определенно не был лучшим из тех, что встречались ей. И у нее были претензии по этому поводу. Свидание вслепую, о чем она только думала? Но так как это предложила ее соседка, было глупо отказываться. Seriously, у кого еще есть соседка сваха, она даже не знала, что они все еще существуют.

Может, это должно было послужить предупреждением. Когда она задумалась об этом, стало очевидным, что на самом деле все это было... устаревшим. Особенно, когда ей устроили свидание с этим парнем. Неважно, о чем думала она. О чем думала ее соседка сваха?

Вместо того чтобы подняться к себе в квартиру, она направилась напрямик к соседней двери, намереваясь высказаться прямо сейчас. Джейлин Ким никогда не откладывала дела в долгий ящик. Подойдя ближе, она заметила группу парней, которые пили пиво на веранде. Когда она уходила на свидание с Блейком Донованом, которое обернулось катастрофическим ужином, она видела, что мужчины заносили диван в здание. Который — или которые — из них въехали в этот дом?

Парень с щетиной на лице и растрепанными волосами привлек ее взгляд. О, боже, пусть это будет он. Он был слишком красив, чтобы не иметь девушки — или парня, они находились в той части города, где преобладали хиппи, — но кому, черт возьми, до этого есть дело? Она не надеялась закрутить с ним роман. Просто иметь его в качестве декорации по соседству было бы великолепно.

Просто супер.

Но даже лица горячего потенциального нового соседа было недостаточно, чтобы отвлечь ее от миссии.

— Простите, — сказала она, ступая между мужчинами, чтобы подойти к двери дома. Пара из них кивнула в знак приветствия, когда она проходила мимо. Но симпатяга, тем не менее, остался безучастным. Незаинтересованным. Слишком плохо.

Хотя, взглянув на него через плечо, она обнаружила его сразу за собой с застенчивой улыбкой на губах. Черт побери, от этого по ее позвоночнику пробежала дрожь. Перед ее

глазами не было ничего, кроме вида красивого мужчины. Видите, как ее соски напряглись от присутствия этого парня? Выкуси, Блейк Доуан, так же известный как «адское свидание вслепую».

Она самодовольно ухмыльнулась, проходя через проем двери, и начала подниматься в квартиру Доусон. Когда она увидела сестер у двери с корзинами белья в руках, улыбка исчезла, а глаза сверкнули.

Остановившись на полушаге, она указала пальцем на старшую из них.

— Ты!

Лейси, младшая из сестер, отвлеклась от открывания двери одной рукой.

— Что я сделала?

— Не ты, — сказала Джейлин. Она указала на Энди, которая пыталась спрятаться за гривой каштановых волос. — Она.

Лейси повернулась, чтобы посмотреть на сестру.

— Как ты сумела разозлить Джейлин?

Энди пожалала плечами. Будто была не причем. Будто не знала, что натворила.

— Эй, вы двое знакомы? — спросила Энди, прежде чем Джейлин успела начать свою атаку.

Лейси посмотрела на нее сердито.

— Мы соседи, бестолочь.

— Но она живет не в этом доме. — Энди откровенно пыталась заполнить пробелы в своих знаниях. — И ты не знаешь имен других соседей, кроме миссис Брендли, и то только потому, что она каждую неделю заходит к нам покричать из-за громкости твоей стереосистемы.

— Джей другая. — Лейси подмигнула ей. — Она классная. Раньше она бегала с Лансом: они пару раз участвовали в марафоне.

При упоминании жениха Лейси Джейлин понизила уровень вспыльчивости на пару градусов. Но только из уважения к умершему, а не потому, что стала меньше сердиться на Андреа Доусон. По правде говоря, она не знала, что сказать Лейси после ее утраты, и провела большую часть прошедшего года, избегая ее. Из чувства вины она не стала упоминать о Лейси, при встрече с Энди. Неудивительно, что Энди не подозревала об их знакомстве.

Лейси склонила голову набок, ее глаза сфокусировались на Джейлин.

— Хочешь зайти? Мы планируем вечеринку по складыванию постиранного белья, которая не будет одной из лучших, что я устраиваю, могу признаться, но у нас есть вино.

Не колеблясь, Джейлин продолжила подниматься по лестнице.

— Да, пожалуй. Мне еще никогда не требовался бокал вина так сильно, как сейчас. — Как только Лейси повернулась обратно к дверной ручке, Джейлин посмотрела на Энди, прищурившись. — Кроме того, нам с твоей сестрой есть что обсудить. И я не буду складывать ее белье.

Она заметила, что Энди пискнула от страха. Хорошо. Ей стоит бояться. Очень сильно бояться.

К тому времени, как Джейлин преодолела оставшуюся часть лестницы, Лейси удалось открыть дверь, и обе сестры были уже в квартире.

— Я открою бутылку, — сказала Энди, поставив корзину с бельем на пол рядом с диваном. — Какое вино ты бы хотела?

Хоть Энди и притворялась, что теперь все отлично между ними, Джейлин рассматривала такое предложение как попытку избежать ее компании. Но ничего. Это ненадолго. Джей могла подождать с преследованием.

— А что у вас есть? — спросила она приятным тоном. В эту игру могли играть двое.

— Красное и менее красное.

Со вздохом Лейси вставила:

— Энди невежественна, когда дело касается вина. У нас есть «Мерло» и «Зин».

— Тогда определенно «Мерло».

Красный будет подходящим цветом и будет сопутствовать кровавому убийству, которое произойдет здесь. К счастью, были и свежевystиранные полотенца, чтобы потом все вытереть здесь.

— Готово, — сказала Энди, суетясь на кухне. — Хороший выбор! У него хорошее послевкусие. — Чушь. У всех вин хорошее послевкусие.

— Захвати каких-нибудь чипсов или чего-то еще, — крикнула ей Лейси, сбрасывая шлепки. Она кивнула Джейлин, указывая на диван. — Присаживайся. Умираю от нетерпения услышать, что же натворила моя сестра, что привело тебя ко мне домой после девяти вечера в ночь перед занятиями.

Учебное расписание Джейлин начиналось ранним утром, но еще более ранние тренировки заставляли ее ложиться спать до десяти вечера. Решив пропустить утреннюю пробежку, она сделала исключение для сегодняшнего свидания. Она была бы сумасшедшей, не сделав так после того, как увидела фотографию Блейка Донована. Он был более чем просто привлекательным, и Энди описала его как богатого и успешного холостяка, что делало его хорошей партией.

Теперь, когда она встретила с Блейком лично, она вспомнила, что все показалось слишком хорошим, чтобы быть правдой. Потому что, хотя человек, с которым она встретила, и был богат, смекалист и привлекателен, он не был подходящей партией. Он был ночным кошмаром.

Что наверняка было хорошо известно Энди.

— Просто подожди и все услышишь.

Джей отклонилась назад на подушки, которые не гармонировали с диваном; Лейси их сшила из платьев, приобретенных в комиссионке. Несмотря на свое раздражение, Джей быстро почувствовала себя комфортно в богемно стилизованной квартире Лейси. Ее вполне устраивала ее собственная мебель из «ИКЕА», но было весело рассматривать все бесполезные маленькие безделушки и предметы искусства, которые собрала ее соседка.

— Я вся во внимании, — сказала Лейси, доставая пару ворсистых носков из корзины с бельем, а затем пригвоздила Джей взглядом. — Пожалуйста, расскажи все.

Энди вошла в гостиную уже с бутылкой вина, несколькими бокалами и коробкой крекеров, зажатой в сгибе руки. Джейлин поела за счет придурка, но она собиралась очистить коробку с крекерами, просто из принципа. Налив вино, Энди неуверенно села на кресло напротив дивана.

Это почти того стоило — заставить эту женщину страдать. Но Джейлин больше не могла сдерживать свой гнев. Она подняла взгляд на Энди.

— Блейк. Донован. — Она позволила этим двум словам повиснуть в воздухе, наслаждаясь тем, что Энди испытывала неловкость. Они плохо знали друг друга. Они встретились только из-за письма, которое доставили не по тому адресу, но Джей решила, что

если она сестра Лейси, то должна быть классной.

После свидания с Блейком Донованом она не была в этом так уверена.

— А, ну это имя говорит само за себя, — сказала Лейси, хмурясь на сестру. — О чем ты думала, Энди?

Ее сестра отвела взгляд. Джей продолжила допрос:

— Ты на самом деле думала, что мы поладим, или это была твоя извращенная шутка? Может, я ненароком чем-то тебя обидела?

По крайней мере, Энди выглядела пристыженной.

— Нет, я подумала, что вы вдвоем хорошо проведете время.

— Очевидно, ты не знаешь Джей достаточно хорошо, — рассмеялась Лейси.

Энди села ровнее.

— Должна признать, я действительно многого не знаю о Джейлин. Но она прошла первоначальный тур. Они оба занимаются спортом. — Она повернулась к Джей. — Ты выглядишь целеустремленной. Он тоже. Ты посчитала его привлекательным, когда увидела фото. — Она опустила глаза, глядя на свои руки и играя краем футболки. — Ему нравятся девушки с азиатской внешностью...

И вдруг все стало понятно.

— Ты понимаешь, что устроила мне свидание с парнем, которому нравятся девушки с азиатской внешностью, только потому, что я корейка? Это расизм. И, на самом деле, многое объясняет.

— Я не расистка! — Энди вскинула голову. — Я просто думала, что это было бы просто. Он должен был бы увлечься тобой. Мне не нравится эта работа, и чем быстрее я смогу закончить ее, получив премию, тем лучше.

Джейлин не могла поверить в то, что слышала. Мог ли этот день стать еще более странным?

— Ты планируешь работать, пока не женишь парня? Ты же не думаешь, что найдешь кого-то для него? Ты, должно быть, шутишь.

— Если бы. — Энди взяла блокнот и ручку с журнального столика и села в уголке дивана. — Если все было так плохо, боюсь, что мне необходимо знать все до мелочей. Просветишь меня?

Энди выглядела расстроенной. Это хорошо. Работа это или нет, Джейн собиралась описать ей весь ужасный вечер, чтобы Энди знала, как задолжала перед ней. И она расплатится еще парой вечеров за бокалом вина и, может быть, ей придется присмотреть за котом, пока Джей будет на свадьбе своей бывшей соседки по квартире в следующем месяце.

Удовлетворенная этой мыслью, Джейлин устроилась поудобнее на подушках и начала рассказ.

— Я приехала в ресторан рано. И так как до встречи оставалось добрых полчаса, я подумала, что посижу в баре и проверю несколько работ за выпивкой, пока жду. Было жарко, как вы знаете, поэтому я заказала «Сэм Адамс».

— Хороший выбор, — усмехнулась Лейси. — Прости, продолжай.

— Я наполовину проверила скучное и однообразное сочинение о том, как роман «Над пропастью во ржи» изменил жизнь студента, когда этот великолепный мужчина сел рядом со мной. Я сразу узнала его по фотографии. Протянула ему руку для пожатия, а он не принял ее.

— Уверена, он не заметил, — предположила Энди.

— О, он заметил, очень даже хорошо. Он уставился на мою руку и сказал: «Джейми?» таким тоном, будто ему не нравилось мое имя.

— У него какая-то фишка с именами, — Энди пренебрежительно махнула рукой. — Он подбирает их к внешности человека или к тому, как они соответствуют его поступкам. Меня он называет Дреа. Лучше просто игнорировать это.

— Ну, это не мое имя, не так ли? Я сказала, что он может называть меня Джей. — К черту его желание называть людей, как захочется. Может, ей нужно пригласить Энди на ежемесячное собрание группы «Женская сила». — Его взгляд пропутешествовал от моей руки, которая все еще была протянута ему, к пиву. И думаю, в этот самый момент он решил, что я лесбиянка.

Историю прервал грубый гогот Лейси.

— Ты? Учитывая всех тех мужчин с разбитыми сердцами, которых ты оставляешь на своем пути? Смешно. Босс Энди — идиот. Выходит, по его мнению, только лесбиянки пьют пиво?

— Бинго. — Джей дотронулась до ее носа. — Позже он сказал что-то подобное, но вернемся к бару, я все еще протягиваю руку как идиотка, думая, что он должен все-таки пожать ее, потому что, кто так поступает? Ну, так поступает он. Он развернулся и начал идти к столику, не признавая мою не пожатую руку.

— «Не пожатая рука» звучит как название песни. — Лейси схватила свою акустическую гитару и начала мягко брэнчать. — Я тебе признательна.

— Я подождала секунду, прежде чем последовать за ним, так как мне нужно было собрать бумаги, над которыми я работала, и положить их обратно в портфель. Я подошла к столику, а он сидел уже в тени. Я попыталась переставить стул так, чтобы солнце не светило прямо в глаза, но он сказал: «Предпочитаю, чтобы вы сидели напротив меня». — Она сделала еще один глоток вина и покачала головой. Она все еще не могла поверить, что последовала его приказу, вместо того чтобы настоять на другом столике, или еще лучше — уйти. Но она была застигнута врасплох, и, вроде как, смирилась с этим.

Кроме того, мужчина был привлекателен. Красивые мужчины, определенно, были ее слабостью. Такое противоречие ее принципам.

Она покачала головой: если все ее мысли будут обо всех глупых вещах, которые она делала для красивых мужчин, и горечи, которую испытывала при воспоминании об ошибках, она никогда не закончит рассказ.

— Официант принес бокал вина и холодный чай. Вот тогда я поняла, что он заказал напитки для нас обоих, пока я складывала бумаги в портфель. И то, что он заказал мне чай, пока сам пил какой-то достаточно изысканный напиток, так как официант наблюдал, пока он понюхает, покрутит и попробует его.

Энди царапала что-то у себя в блокноте.

— Уверена, он просто пытался впечатлить тебя. Социальные навыки Блейка развиты недостаточно хорошо.

— Это не было впечатляюще. Это был жест настоящего засранца. Если он пытался впечатлить меня, он бы заказал и мне бокал вина, чтобы и я могла восхититься его вкусом. — Она сделала глоток вина, надеясь успокоить растущее раздражение. Не помогло. — Почему ты защищаешь его? Тебя там не было. И «развиты недостаточно хорошо» — это не способ описать его социальные проблемы.

— Я не защищаю его. — Энди отвела взгляд, будто только что на самом деле поняла,

что защищала своего босса. — Я просто думаю, что в каждой истории есть две стороны.

Не в этой истории. Джей смотрела на Энди, пока та не опустила глаза. Она закинула крекер в рот, пожевала и проглотила все сразу.

— Ты указала ему на это? — Лейси подтолкнула ее на продолжение.

Джей запила крекер вином.

— Как ты думаешь? Я имею в виду, я здесь пострадавшая сторона. Сказала ли я ему, что чувствую, как он груб со мной, или позволила ему вести себя по-мужски и делать заказ вместо меня?

— Догадываюсь, что твоя феминистская задница хотела указать ему на это, но ты не хотела, чтобы это плохо сказалось на моей старшей глупой сестре. Я права?

Джей снова коснулась ее носа, показывая знак «бинго».

— Вполне.

Лейси сыграла несколько победных аккордов и засмеялась.

— Он и еду тебе заказал?

— Эм, да. Он очень обдуманно выбрал для меня большую порцию салата с цыпленком, зажаренным на гриле. Растительное масло и уксус — отдельно. А сам наслаждался жареными ребрышками и хвостом омара. Средней прожарки. Как засранец. Потратить так много денег на кусок мяса, чтобы из него вышел весь вкус во время приготовления? — Глаза Джейлин вспыхнули.

Энди подняла глаза от своей писанины.

— Некоторым людям просто не нравится мясо с кровью, Джей. И посмотри на себя. Ты крошечная. Он, видимо, решил, что ты живешь на одних овощах. — Она опустила глаза. — Кроме того, некоторые женщины подумали бы, что его забота о них, — это мило.

Как это устарело.

— Энди, серьезно? К чему это? У тебя какие-то чувства к этому парню?

— Нет! Я говорила тебе, я инвестирую в него, устраивая будущие свидания.

— По-моему, леди слишком много возражает, — ухмыльнулась Джей.

— Я знаю-знаю, — усмехнулась Лейси.

У Энди отвисла челюсть.

— Лейси! Ты знаешь, как я отношусь к этому придурку.

Лейси пожала плечами.

— Значит, ты признаешь, что он придурок. — От этого Джей почувствовала какое-то удовлетворение.

— Как я и сказала, его социальные навыки оставляют желать лучшего. Но на каждый товар свой покупатель. Даже для придурков есть пара. Мне просто нужно найти кого-то именно для него. — Энди провела рукой по своим золотисто-каштановым локонам. — Итак, просто расскажи мне, что произошло дальше.

Джей хотела поспорить с Энди, не только потому, что сомневалась, что для Блейка Донована существовала пара, а также потому, что задавалась вопросом, существует ли пара для нее самой.

Но тогда разговор бы запутался, а она не хотела этого. Не тогда, когда ей нужно начинать работу в семь утра.

— Ладно. — Сделав еще один глоток вина, она продолжила рассказ о своем мерзком свидании. — Я была зла, пытаюсь поддерживать разговор с этим мужчиной. У нас практически не было общих интересов. Он занимается в спортзале, кстати, а не бегаёт по

пересеченной местности. Что плохо, но кого это волнует. — Она наблюдала, как Энди записывала это. — Поэтому я перешла к единственной вещи, которую бостонцы могут обсуждать летом, — я спросила его, что он думает о шансах «Сокс» в Серии в этом году.

— Тотализатор, вот что я бы сделала! — сказала Лейси из угла, где сидела, чтобы написать песню, основанную на свидании Джей.

— Он ухмыльнулся. Он ухмыльнулся мне.

— Хм. — Казалось, Энди не была этому удивлена.

Джейлин склонилась вперед.

— И он сказал: «Могу поспорить, ты фанат». Естественно, это вывело меня из себя. Может, даже больше чем его непонимание, что для выносливости этого крошечного, как ты его назвала, тела, мне требуется что-то большее, чем кроличья еда, чтобы пробежать все те мили. Поэтому я спросила: «Что это значит?» с милейшей улыбкой. А он сказал: «Достаточно очевидно, что я не твой тип».

— Ну, он прав. Он не той тип. Прости, Джей. — Энди сняла крышку с бутылки и осушила ее.

— Андреа Доусон, это я не *его* тип. И я не имею ни малейшего понятия, почему ты считала, что я могу им быть, но могу тебе сказать, что он с самого начала был убежден, что не является моим типом из-за его ложного предположения о моей сексуальной ориентации. Я откровенна в своих чувствах относительно равной оплаты труда. Я участвовала в уличных протестах о равенстве брака. Но, когда какой-то богатенький засранец рассказывает мне, каковы мои сексуальные предпочтения — это типичная шовинистическая точка зрения.

— Блейк, эм, вроде как гордится своей интуицией. Никто не может отважиться сказать ему, что он не прав во всем, кроме бизнеса. Он просто становится... как ребенок, и он в восторге, когда думает, что раскусил кого-то. Это мило, — сказала Энди с полуулыбкой на лице.

— Я вовсе не нахожу это милым. Я девушка, которая пьет пиво и любит спорт. Почему это не может быть тем, что девушка «синий воротничок», рожденная и выросшая в Массачусетсе, любит? О, нет, эти патриархальные альфа-самцы непременно приходят к выводу, что вместо того, чтобы быть женщиной, которая может бросить им вызов и быть им равной, я, должно быть, хочу быть мужчиной. Будто пенис каким-то образом является эквивалентом успеха.

У Джейлин не хватало дыхания, и она могла сказать, что теряет аудиторию. Она произносила разные варианты подобной речи несколько раз, убеждая Лейси подписать петиции, посетить сидячие демонстрации или участвовать в благотворительном походе по кабакам.

— Дело в том, — она пригвоздила взглядом сначала одну сестру, потом вторую, — что я не ожидала, что Блейк Донован будет сторонником феминистского движения. Но я определенно не ожидала того, что он отъявленная свинья мужского пола. А именно таким он и оказался.

— Ты так говоришь только потому, что он подумал, что ты лесбиянка? — откликнулась Лейси со своего кресла. Очевидно, что она чувствовала себя достаточно комфортно, так как лежала на боку, положив голову на один подлокотник кресла, свесив ноги через другой, и работала над своей песней.

— Это, и еще то, что он поздравил меня с такой женской профессией. Затем сказал, что его жена не будет работать, а будет сидеть дома готовить и убирать.

Лейси остановилась, не доиграв аккорд.

— Серьезно, таковы планы твоего босса относительно брака, Энди?

Энди потянула подушку с дивана и положила себе за спину.

— Знаю, это немного... старомодно. Он согласен на компромиссы. Все идут на компромиссы. По крайней мере, он знает, что ищет в женщине. А вы? — Она посмотрела сначала на Джейлин, затем на сестру.

— Ну, — сказала Лейси, садясь, — я ничего не ищу в женщине, и, как Джейлин однозначно заявила, она тоже.

— В мужчине, я имею в виду. Вы знаете, чего хотите? — Энди замолчала, оставляя вопрос висеть в воздухе. — То, чего вы хотите, существует на самом деле?

— Я знала. — Слова Лейси раздались эхом в комнате.

Джей обменялась взглядом с Энди, которая, очевидно, ругала сама себя за этот вопрос.

Именно по этой причине Джей держала дистанцию с Лейси. Было очень легко сказать что-то такое, что напомнило бы о ее погибшем женихе.

— Прости, Лейс, — сказала Энди мягко. — Я не хотела... я просто не это имела в виду.

Лейси пожала плечами. Но следующий аккорд был минорным, мрачным.

Не найдя слов утешения, Джей разболтала вино в бокале и размышляла над вопросом Энди. Существовал ли такой парень на самом деле или был сказочным героем? Она не хотела контролирующего альфа-самца, которого желают, казалось, все женщины в нынешнее время. В ней не было ничего покорного, хотя часть ее задумывалась, понравилось бы ей это в спальне.

В настоящее время это наверняка было фантазией — не было никаких шансов, что ее феминистические идеалы и какой-либо вид доминирования могут вступить в брак, даже если только на уровне секса. Возможно ли найти парня, который будет восхищаться ее силой, но в то же время поддерживать ее, когда в этом будет необходимость? Парня, который будет бороться за нее в равной степени, как и примет их различия? Парня, который позволит ей быть партнером и любовницей? Может, вопрос на самом деле состоял в том, позволит ли она когда-нибудь мужчине проделывать такие вещи с ней? Она была упрямой и независимой, те черты, которые усложняют процесс принятия другого человека. Не то, чтобы она не хотела мужчину в своей жизни — она хотела. Очень сильно. Просто после всех провальных отношений, через которые ей пришлось пройти, было трудно не задуматься, что проблема в ней.

Была ли она слишком жесткой с мужчинами?

В середине своих размышлений, Джейлин поняла, что Энди уставилась на нее, прищутив глаза.

Будто прочитав мысли Джей, она сказала:

— Может, тебе стоит сходить с ним куда-нибудь снова, Джей. Думаю, ты сможешь рассмотреть его самого сквозь его странности, если проведешь немного больше времени с парнем.

Ну, может, она и была слишком жесткой с мужчинами, но только не с этим. И, если бы у нее была надежда выяснить, существует ли ее тип мужчины, она бы не потратила время на мужчин, которые определенно не были ее типом. На таких мужчин, как Блейк Донован.

С возобновленным чувством ярости, Джейлин вырвала коробку крекеров у Энди из рук.

— Ты не сможешь заплатить мне достаточно. И могу заверить тебя, он не хочет встречаться со мной снова когда-либо. Он обвинил меня в том, что у меня мужская стрижка.

Ты слушаешь, Энди? Он относился ко мне как к особи мужского пола. Это прозвучало в одном предложении с поздравлениями относительно моей профессии. Мужчина — настоящий придурок. Удачи тебе в поиске пары для него. — Она не добавила, что он был первым человеком, который отнесся к ней как к мужчине. Это была неуместная информация.

— А сейчас я забираю вторую бутылку вина и крекеры и иду домой зализывать раны. — Она взъерошила свои волосы. — И еще, меня не будет в городе неделю в следующем месяце. Ты будешь присматривать за моей кошкой. Пуки — диабетик, поэтому тебе придется делать ей инъекции инсулина. Позвони мне как-нибудь, Лейс.

Удовлетворенная огорченным выражением лица Энди, Джейлин выпорхнула из квартиры под звук смеха Лейси.

Когда дверь за ней закрылась, Джей остановилась, прежде чем спуститься вниз по ступенькам. Раздражение, которое она испытывала из-за неудавшегося свидания, растворилось с осознанием того, что на самом деле она злилась не на Блейка Донована. И даже не на Энди.

Она злилась на саму себя.

Потому что была сильной и независимой женщиной. Она не нуждалась в мужчине. Она не нуждалась ни в ком. Так почему же она чувствовала себя такой одинокой?

Глава 2

Ноа нес оставшиеся вещи из машины, когда симпатичная девушка прошла мимо него снова. Короткая стрижка и узкое платье были очень вдохновляющими. Он опустил глаза. И в этот момент из стопки в левой руке вылетела книга.

— Я возьму. Пойду за тобой. — Ее голос был глубже, чем он представлял себе. Не то чтобы он планировал разговаривать с ней. Если бы у него был выбор, он бы ни с кем не разговаривал. Легче сказать, чем сделать. Бросая взгляд через плечо, он подтвердил свое подозрение — эта девушка станет проблемой. По крайней мере, он отправил братьев домой.

— Ты можешь положить ее... куда-нибудь.

Он указал вокруг, когда они вошли в открытые двери. Это наихудшая часть общения с людьми: зная, что они видят все твои вещи, ты задумываешься, какие выводы они делают насчет тебя.

Все его вещи окрашены в разные оттенки серого. Что это о нем говорит? Что он холоден и депрессивен? Он намеревался все сделать крутым и современным, но, видимо, это так не воспринимается. Она положила книгу и свои вещи на серебряный столик (потертый) и заглянула в стальной книжный шкаф (антикварный), чтобы посмотреть его литературную коллекцию (безупречную). Она обошла несколько нераспакованных коробок (бежевых) на своем пути.

— Разве ты не сегодня въехал? — спросила она. — И уже заполнил свой книжный шкаф?

— Да, я люблю, когда вещи на своих местах. — Он потер тыльную сторону шеи и задумался, стоит ли ему предложить ей что-нибудь.

— Вижу. В алфавитном порядке. У тебя хороший вкус на книги.

Она протянула ему руку. Его большая рука поглотила ее крошечную, но ее хватка была

на удивление крепка.

— Ноа.

— Джейлин Ким. Для друзей Джей. И соседей.

— Ну. Мы соседи. Принести тебе что-нибудь, Джей? У меня мало что есть в доме, но найдется немного... карамелек, я думаю. — Карамельки. Спокойно. Она засмеялась, и это звучало как музыка, и он подумал, что будет говорить такие вещи чаще, чтобы снова услышать ее смех.

— Спасибо, но мне завтра рано вставать. Работа и все такое. — Это было его воображение, или ее лицо выражало сожаление? Иногда трудно сказать, когда кто-то игнорирует тебя.

— Конечно. Кем ты работаешь? — Он останется вежливым в любом случае. А затем уставится на ее задницу в этом платье, пока она будет уходить.

— Я учительница. Рабочий день начинается рано. А чем занимаешься ты, Ноа?

— Я бы сказал тебе, но тогда мне придется тебя убить. В каких классах ты преподаешь? — Он давным-давно научился уклоняться от вопросов о его карьере. Задавать больше вопросов собеседнику — лучший метод. Люди, в основном, любят отвечать на вопросы о себе.

Бонусом было то, что он был заинтересован в ответе.

— Я преподаю английский в старших классах. — Она рассеянно провела рукой по волосам. — Отсюда мое неудержимое желание проверять у всех содержимое книжных шкафов.

Английский. Она буквально не может быть более идеальной. Что касается учителя английского, он никогда бы не стал злоупотреблять словом «буквально».

— Они выдержали испытание? — Конечно же. Ноа Гаррисон знал толк в книгах. Он сам специализировался на английском в колледже, хотя у него и не было желания преподавать или пойти в аспирантуру. Он просто любил читать. Чтение не требует какого-либо социального взаимодействия. Он оставил это для профессиональной сферы своей жизни.

Это напомнило ему, что в его совершенно новой квартире находилась красивая женщина. И он притворяется общительным, когда у него есть незаконченная работа. Ему стоит ее проводить, следует поблагодарить за то, что принесла книгу, и выпроводить. Но он обнаружил, что сфокусировался на ее красных губах в ожидании одобрения. Надеясь на одобрение.

— Ты фанат Плат. Немногие мужчины почитают ее творчество. Я впечатлена. — Она пробежала языком по малиновым губам, не похотливо, а неосознанно, будто рассматривала его. Но в любом случае, это было чертовски сексуально.

— Она была блестящей писательницей. Такой чистой и честной. Немногие женщины являются таковыми, — сказал он.

— Могу назвать множество! Вирджиния Вульф... — начала она, прищуриль глаза.

— «На самом деле, мне не нравится человеческая природа, пока она не прикрыта искусством». Мне всегда нравилась эта цитата. Ладно, пусть будет Вульф. Она излагала достаточно хорошо. Но Плат акцентирует внимание на откровенной болезненности, что нечасто увидишь у женщин-писательниц. — Что она... она снимает туфли. И садится на диван, заваленный вещами (серый).

— О, пожалуйста. Эмили Дикинсон практически изобрела образ болезненной

женщины-поэта. Плат просто развила его. Где твои карамельки?

Ноа побрел на кухню за какими-то закусками. Он хотел, чтобы она осталась поболтать, вопреки себе, но сейчас передумал. Такие женщины — умные, красивые — не следовали за ним в Страну Грозных Облаков. А если и следовали, случайно, он выпроваживал их. И ради бога, если они хотели остаться, он не предлагал им прохладительные напитки.

Но вот он здесь, протягивает ей не только ранее упомянутые карамельки, но и банку Колы.

— Теперь ты меня засахариваешь. — Она положила карамельку в свой сексуальный красный ротик. Она флиртует? Потому что он мог придумать множество возражений, но все они казались слишком дерзкими. Он остановился на том, что просто усмехнулся ей. Пусть понимает, как хочет.

— Итак, Джейлин. Джей. Как ты развлекаешься?

— Мне нравится музыка. Стараюсь выходить по субботам, когда есть такая возможность, послушать местные группы. А что насчет тебя? Ты откуда? — Она поднесла ко рту содовую и посмотрела на него поверх края банки, делая глоток.

— О, ты знаешь. Да, я откуда, вообще-то. Что касается развлечений, не скажу, что у меня их много. Есть некоторые шоу, которые я посещаю. Мне нравится читать, как ты уже поняла, но должен признаться, я достаточно медлителен. Если история читается бегло, есть все шансы на то, что я пожалею о том, что потратил на нее время. Поэтому я выбираю книги, когда я, так сказать, смакую несколько предложений за раз. Ты смеешься надо мной?

Она закрыла рот рукой, и это было в каком-то роде восхитительно. Даже несмотря на то, что ему не очень нравилось, что над ним смеются.

— О, боже, нет, просто ты такой серьезный, а я спросила тебя о развлечениях. — Ее глаза все еще светились весельем, хотя ей удалось справиться с выражением на своем лице. Ноа посмотрел на нее прямо.

— Серьезные вещи могут быть веселыми. — Она посмотрела на него в ответ. Он удерживал взгляд, потерявшись в глубине ее глаз настолько, насколько он считал возможным.

— Ладно, хорошо. Я немного веселюсь. Но редко хожу куда-то, — признался он.

— Мы должны это исправить. — Она подмигнула. Теперь она определенно флиртует. Мило. Он открыл рот, чтобы поразить ее шармом бывшего Ноа, как раз в этот момент она подпрыгнула. — Ой, не могу поверить, что уже так поздно.

Озадаченный, он посмотрел на часы. Двадцать два тридцать — это поздно? Двадцать два тридцать — время ланча для него. Что напомнило ему о том, что карамельки были единственной едой в доме.

— Ты не живешь в этом доме, не так ли? — Он думал, что встретился уже со всеми соседями, со всеми, кроме пожилой женщины, которая где-то отдыхала и была алкоголиком, согласно рассказам сестер Доусон. Они заговорили с ним на третьей минуте пребывания здесь. — Могу я подвезти тебя домой? Мне нужно купить кое-что. — Он прощупал джинсы на наличие бумажника и ключей.

— О, нет. Спасибо. Я живу в соседнем доме. Можешь проводить меня, если хочешь. Кстати, я забираю эти карамельки. — Тогда ему точно нужно ехать в продуктовый магазин. Он открыл дверь для нее, как джентльмен, но он солжет, если скажет, что это не для того, чтобы иметь лучший вид на ее попку в этом узком платье.

Джей не шутила. У Ноа заняло сорок пять секунд, чтобы проводить ее домой, и это в

медленном темпе. Хотя ему отчаянно хотелось оказаться одному и обдумать все, но также он не был уверен, что готов к тому, что все закончится, чем бы оно ни было.

— Хочешь, чтобы я поднялся с тобой?

Она улыбнулась, затмевая своей улыбкой уличное освещение.

— Я смогу и сама. Я уже на месте. — Она указала рукой.

Великолепно. Теперь каждый раз, проходя мимо квартиры на первом этаже слева, он будет искоса смотреть на окно в надежде увидеть ее, и что она не заметит, что он смотрит. Жизнь становится бесконечно сложной, а он здесь всего несколько часов.

— Тогда ладно. Ну, спокойной ночи, Джей. Рад был с тобой познакомиться. — Должен ли он обнять ее? Это то дерьмо, которое он никогда не знал, как сделать правильно. В книгах это все было проще, там все знали, что делать и когда. Но прежде чем у него была возможность обдумать это, она подошла и обняла его.

Ее аромат был конфетно-сладким, сахарно-медовый. Забудьте о том, что слишком рано для объятий, теперь все чего он хотел, — это схватить ее за руки и жестко поцеловать. Посмотреть, возможно ли, что на вкус она такая же вкусная, как пахнет.

Она отодвинулась, слава Богу, прежде чем он начал действовать импульсивно.

— Я тоже рада с тобой познакомиться, Ноа, увидимся. — Так как она не оборачивалась, поднимаясь по лестнице к входным дверям (зеленым), ему не пришлось притворяться, что он не таращится на ее попку снова.

Продукты. Думай о продуктах.

Пять минут спустя он был на заправочной станции на углу, покупая чипсы, содовую и конфеты Vit-O-Honey.

Ему они даже не нравились. Хотя он не знал, нравятся ли они ему, в детстве он всегда выбрасывал их из мешка на Хэллоуин, потому что они выглядели глупо. Но мед напоминал ему о Джейлин, и он хотел насладиться этим, смаковать ее, и то, как он рассказывал о своей любимой литературе.

Любить женщину, как литературу. Вау. Это глупо. Или, может, это блестяще.

Он вернулся к стеллажу с чипсами и взял пару пачек с вяленой говядиной. Протеины важны в рационе питания мужчины. Как и секс. Как и интеллектуальная стимуляция.

Он высыпал покупки на прилавок с раздраженным вздохом. Прошло некоторое время с тех пор, как он был с женщиной. А эта засела у него в голове как заезженная поп-песня. И это было бы хорошо, если бы ему не нужно было думать о работе.

Его работа — это не то, что можно делать наполовину. Ты должен быть погружен в нее с головой, на сто процентов. А сейчас его предательская голова не даст ему передохнуть от воспоминания о ней, поднимающейся по лестнице в том платье. Медленно. Выше и выше.

Что он мог бы сделать с ней на той лестнице.

Продавцу пришлось дважды повторить сумму, прежде чем он понял.

Когда Ноа скатился с кровати, нетвердо стоя на ногах, его немного подташнивало из-за переизбытка сахара, съеденного предыдущим вечером, и он был очень раздражен собой. Не потому что проснулся в полдень, — это было нормально. Раздражен из-за того, что посмотрел на часы и заинтересовался, чем занята Джей в этот момент: был ли это ланч в учительской, или проверка работ за столом.

Это нужно остановить. Сразу после того как он позаботится о кое-чем... рукой.

Десять минут спустя он был одет и готов к серьезной пробежке. Иногда включить музыку громче, синхронизировать свой ритм с музыкальным, и абсолютно потеряться в этом — единственный способ найти внутренний покой. И он включил хороший хип-хоп и готов бежать.

За дверью своего дома он сощурился от полуденного бостонского солнца, вращая головой и немного встряхиваясь, он размышлял куда бежать. Он впервые начинает пробежку от своей новой квартиры, это небольшое знаменательное событие. Можно и уступить — он повернулся в сторону дома Джей и начал бежать.

Первая миля всегда самая тяжелая. Худшая сторона привычки долго спать — это то, что всегда приходится бегать под полуденным солнцем. Плюс в том, что он всегда загорелый, несмотря на то, что ужасный домосед.

Пока первые несколько кварталов пролетали под его ногами, Ноа размышлял.

Джейлин Ким — его соседка. А раз так, то ему придется часто видеть ее. Или, может нет — кажется, они живут по противоположным графикам. Но даже в лучшем или худшем случае это означает случайные встречи на улице, встреча у холодильника в магазине на углу, видеть друг друга через колонку на заправочной станции. Возможно, пару раз в месяц.

Единственная вещь, о которой Ноа мог сказать наверняка — в его жизни не было места женщине.

Его работа не позволяла этого, черт, его личность не позволяла этого. Ему нравилось быть одному. Он не хотел проверять, сможет ли пробежать через весь город, и он присоединился к игре в футбол. Он не хотел ложиться рано спать только потому, что кто-то другой так хочет. И он чертовски уверен, что не хочет тратить свою пробежку, убеждая себя в этом.

Итак, он снова сдался и позволил своим мыслям блуждать. Они блуждали вокруг изгибов ее платья и вокруг ее алых губ. Они проследили дорожку карамели вдоль ее мягкого розового язычка. Они извивались вокруг слов, которые этот язычок произносил, шуток, которые, как он знал, были бы, если бы он отпустил себя.

Он позволил своим мыслям вращаться вокруг нее как облако сахарной ваты, пока не почувствовал тошноту снова, а затем отпустил их. Достаточно красивой и умной соседки. Теперь он будет вдохновляться ею на расстоянии. Ему нужно выполнять свою работу, и не нужны никакого рода отвлечения.

Нельзя быть настолько поглощенным соседской девушкой.

Так почему он стоит под ее окном и бросает в него камушки?

Глава 3

Джейлин ликовала. Был вечер пятницы, впереди ждали выходные, все работы она проверила, время вечеринки. Она отказывалась признаваться, как нелепо называть вечеринкой то, что она позволяет Пуки пить молоко за столом, пока сама поглощает украденные карамельки с украденными крекерами и запивает все украденным вином.

А что если это самый фантастический вечер пятницы за последние месяцы? Лучше она займется этим, чем встретится с Блейком Донованом в городе. Она чуть не подавилась вином только от одной мысли.

Этот чванливый мудака в своем дорогушем костюме проливает пиво на свои дорожные туфли в новом баре в многообещающем вычурном районе по соседству.

О, боже. Теперь она в депрессии. Все в мире вкусняшки не уменьшат грусть оттого, что она была дома одна в пятницу, выдумывая варианты плохого унижительного свидания. Может, самое время зарегистрироваться на одном из этих сайтов знакомств. В конце концов, она была чертовски уверена, что не наймет Энди Доусон в качестве свахи.

Она лучше съест пару туфель из своей кладовки.

Дзынь. Что за черт? Чертовы белки совсем вышли из-под контроля в последнее время. На днях она видела одну щекастую и, вероятно, пьяную, которая упала — в прямом смысле слова «упала» — с телефонного провода. Она выглядела растерянной, приземлившись, и, на удивление, осталась в живых.

Дзынь. Но бросать всякое дерьмо ей в окна — это уже слишком. Она, может, и феминистка, но не активистка общества защиты животных. Эти маленькие засранцы посмотрят, что значит получить парочку желудей в морду.

Дзынь. Как будто в спальне. О, черт, нет. Недостаточно того, что она и так плохо спит? Недостаточно того, что солнце пробивается в чертово окно и будит ее не только в будни, но и лишает ее ленивого утра субботы с тех пор, как она переехала сюда? Недостаточно того, что маленькие грызуны обосновались в близлежащих деревьях, заставляя ее бедную престарелую кошку биться в истерике каждый раз, когда она задремлет на подоконнике?

Дзынь. Теперь они хотят достать ее. Ну, Джейлин Ким покажет им, против кого они восстали. В спальне она выбрала свои самые нелюбимые туфли на шпильке. Взвешивая их в руке, она улыбалась сама себе. Множество вечеров, проведенных за вялой игрой в дартс в барах в ожидании выхода группы на сцену, наконец, пригодились. В борьбе Джей против белки, общество защиты животных не будет довольным.

По туфле в каждой руке. Дзынь, она открыла окно и выглянула наружу, высунув руку с туфлей. Ее взгляд метнулся к дубу перед зданием в поисках виновника.

Трах. Следующий снаряд попал ей прямо между глаз. Она отреагировала и вслепую бросила туфлю как можно сильнее.

— Б**дь! — Ну, белка, похоже, умела говорить, подумала она, потирая лоб.

Погодите-ка, как много белок на самом деле матерятся? Она прищурила один глаз, затем другой. Дерьмо. Белка, которую она подбила, была никем иным, как ее горячим соседом. Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Вот почему она ни с кем не встречалась, она даже не могла отличить белку от горячего парня. Дерьмо!

— Ноа? — рискнула она позвать.

— Господи! — последовал ответ.

— Ну... не совсем? — Как отвечать в такой ситуации?

— Джей?

Вот на это она могла ответить.

— Да! Эм, прости за туфлю. Я подумала, что это белка. — Теперь, когда ее глаза были направлены на улицу, стало достаточно очевидно, что камешки в ее окно бросал этот привлекательный парень. Как она подумала, что на нее напали дикие животные — необъяснимо. Его великолепное, теперь уже с синяком, лицо улыбнулось ей.

— Люди делали разные предположения относительно меня на протяжении многих лет, но такое — впервые. Спустишься? — Она вытащила свою голову из окна так быстро, что чуть не обезглавила себя. Хочет ли она спуститься и провести время с красивым и

начитанным мужчиной? Очевидно. Но прошлым вечером он был таким странным. Хочет ли она провести следующий час, угадывая, что он имеет в виду каждый раз, когда что-то говорит?

— Дай мне пять минут! — Штаны. Ей нужны штаны. Что с лицом? Остался ли макияж с утра? Это имеет значение?

Она натянула черные узкие джинсы поверх кружевных шортиков. Майка Indigo Girls, в которой она разгуливала дома, сойдет. Что касается макияжа, она дала себе четкие указания. Нет необходимости «приводить себя в порядок» ради мужчины. Если она нравится ему, то это из-за ее искрометного юмора и находчивости, а не из-за стрелок. Хотя, красная помада была ее характерной чертой, поэтому нет проблемы в том, чтобы нанести ее. Как вообще в этом мире женщину может кто-то услышать, если на ней нет яркой помады? Она снова усмирила свою внутреннюю феминистку, когда нанесла несколько мазков своего любимого парфюмированного масла. Приятный аромат заставлял ее чувствовать себя хорошо, поэтому это тоже можно было сделать.

Несмотря на жесткие слова, обращенные к самой себе, Джей остановилась, прежде чем открыть парадную дверь, и сделала глубокий вдох. Не думай слишком много. Не поучай слишком много. Не испортить первую пятницу с мужчиной за столько лет.

Выдохнув воздух и мантры сквозь только что покрашенные губы, она вышла на крыльцо, и весь воздух покинул ее от вида мужчины, который стоял перед ней.

— Почему ты просто не позвонил в звонок? — спросила она. В конце концов, она не хотела, чтобы он догадался, насколько слабыми стали ее колени. Теперь была его очередь смотреть так, будто его ударили кулаком.

— Я... я не знаю. Пытался быть прикольным, я думаю.

Черт возьми. Это было прикольно. И романтично. До тех пор, пока она не угодила острым каблуком ему в глаз.

— Это было прикольно. Прости. Никто не делал такого для меня. И это было неожиданно, вот и все.

Он улыбнулся, и она улыбнулась ему в ответ. О, боже, неужели они собираются стоять здесь, глупо глядя друг на друга весь вечер? Джей знала, что не очень хорошо переносит неловкую тишину. Она обычно предлагала тему, которая гарантированно вовлекала людей в разговор, но это также означало, что она приведет их к спору, и скоро они вернуться к тишине снова, только уже менее дружелюбной.

К счастью, Ноа нарушил ее, хотя и уставился на свои ноги.

— Мне действительно понравилось общаться с тобой вчера вечером. Я подумал, может, так как ты завтра не работаешь, мы могли бы прогуляться и поговорить еще немного? — Он поднял взгляд с надеждой, что было восхитительно, так как она надеялась, что он хочет провести с ней время, и не только чтобы компенсировать украденные карамельки.

Вместо ответа, она спустилась на одну ступеньку с ним.

— Indigo Girls, а? Я редко их слушаю, но мне нравится их лирика. Как же называется эта песня... Closer to Fine?

Джей кивнула ему. Она любила эту песню.

— Она в моем плейлисте для работы.

— Так все-таки чем ты занимаешься? — Она все еще думала, это как-то странно, что он не ответил на этот вопрос прошлым вечером.

— Ничем интересным. Эй, должен тебе сказать, что понятия не имею, куда мы идем. Я

сегодня совершенно потерялся во время пробежки, и мне пришлось сесть в метро, чтобы добраться домой.

— Стой! Ты бегаешь? Я тоже бегаю! Почему мы не говорили об этом раньше? — Она остановилась как вкопанная и снова оценила его. Такое стройное тело, он должен был бегать. Боже, он буквально не может быть еще более идеальным. Она все больше увлекается своим новым соседом.

Они возобновили свой неторопливый шаг, никуда конкретно не направляясь. Его рука нашла ее, и он взял ее за руку. Сердце Джейлин начало бешено колотиться. Он был теплым, а его хватка показывала его силу. Она отчаянно надеялась, что ее рука не вспотеет и не отпугнет его. Хотя, это, скорее всего, произойдет из-за бостонской влажности.

— Я начал бегать несколько лет назад. И достаточно быстро привык. А что насчет тебя? — он возобновил их диалог, будто мир только что не сдвинулся вдоль своей оси от их прикосновения.

Она не будет вести себя странно, если и он не будет.

— Я занималась бегом в старшей школе и колледже и никогда не бросала эту привычку, я думаю. Я даже не знаю, что бы теперь делала без бега. В какой-то мере это больше похоже на медитацию, чем на физическую нагрузку.

— Мне знакомо это чувство. Ты участвовала... ты участвовала в марафоне? — Он показался отстраненным в какой-то момент, и ей стало интересно, куда же завели его мысли.

— Я была дома, проверяя работы учеников, за что не могу быть признательна. В тот момент, я была ужасно расстроена, что пропускаю его. А ты был там?

— Я закончил за двадцать минут. И был снова дома. На самом деле, я не хочу говорить об этом. — Бостонцы на самом деле не любят об этом говорить, поэтому она отпустила эту тему.

— Также, из-за бега я придерживаюсь расписания. Не могу задержаться, чтобы посмотреть еще одну серию сериала или прочитать еще одну главу, если собираюсь пробежать шесть миль перед работой. — Он, может, и был расстроен из-за забега, как и все в глубине души, но у него были безупречные манеры. Это было здорово. Если не считать, что он не любит утро — ее любимое время суток.

— Мне незнакомо это чувство. Я не жаворонок. — Нет. Она знала, что что-то не так.

Что, черт возьми, у него за работа? Кто может позволить себе не быть жаворонком, если хочет?

Она подумала опять завести разговор о загадочной профессии, но их разговор так мило протекал, что она решила продолжить его.

— Я сова в летнее время. Но есть в этом что-то особенное, когда встаешь до восхода солнца и видишь, как оно присоединяется к тебе во время пробежки. На улице почти никого нет, и город ощущается совсем по-другому от этого.

— Почти никого нет? — Он усмехается ей и немного сжимает руку. Ее сердце немного сжимается в ответ. — Может, мне нужно бегать перед сном, а не после того, как проснулся.

— Не слишком любишь находиться в обществе, а? — Они повернули налево, на Массачусетс-авеню.

— Неа, — ответил он, но не продолжил. Было почти смешно от того, насколько комфортно было разговаривать с кем-то, кто не очень многословен.

— Так какую музыку ты слушаешь во время пробежки? — Она знала. Ее руки потеют.

Дерьмо! Если не вытрет ладони о джинсы вскоре, он заметит. Но если вытянет свою руку из его, он подумает, что она не хочет держаться за руки, а она очень хотела.

О, слава Богу. Они проходили мимо рамен-хаус[1]. Она выдернула руку и открыла дверь. Он выглядел удивленным, но последовал за ней.

— Я умираю с голоду, ты не против? — Она на самом деле хотела есть. Карамелек и крекеров недостаточно на ужин. Они заняли кабинку и просмотрели меню.

— Когда бегаю, я слушаю хип-хоп, это ответ на твой вопрос. Что такое бульон тонкоцу? — Это его нога касается ее под столом? Или это стол? Стоит ли ей ударить, чтобы выяснить?

— Свиные косточки. Мое любимое блюдо. Я слушаю панк, когда бегаю, но последнее время я слушаю аудиокниги, когда бездельничаю дома. — Она ударила. Последовала реакция. Значит, не стол.

— Оу! — Ноа взвизгнул. Она улыбнулась, извиняясь. Ей действительно было жаль. Иногда она не могла контролировать свои импульсы. Но она хотела поиграть в этот флирт под столом. Черт возьми. Вот почему у нее было так мало вторых свиданий, не так ли? Самосаботаж.

— Аудиокниги. Мне это не нравится. Я старомоден относительно книг, люблю бумажные.

Она скользнула ногой к его под столом. Он не отпрянул. Может, она сможет спасти все, в конце концов. Искры, которые она ощущала при каждом их прикосновении, говорили о том, что стоит попытаться.

— Это не касается того, бумажная книга или нет. Это касается максимизации использования моего светового дня. Я могла бы читать весь день, но тогда у меня не останется времени на приобретение продуктов или уборку в ванной, или на проверку тестов. Поэтому я пользуюсь аудиокнигами.

Его нога скользнула к ее икре, а затем вниз. Джей пыталась подавить дрожь.

Вдруг, он ударил ее в ответ.

— Теперь мы в расчете. Что касается аудиокниг, в этом есть смысл. Я подумаю над этим. Но мне действительно нравится музыка, поэтому я, вероятно, не поменяю репертуар.

Она все еще моргала от удивления. Ей потребовалась секунда, чтобы оправиться от шутки, но, к счастью, подошел официант, чтобы принять заказ.

— Так, что ты читаешь сейчас? — Она мысленно похлопала себя по спине. Это было хорошо. Их связали книги в первую же встречу.

— Кое-что для работы. А что ты читаешь?

Она усмехнулась, когда он снова переплел их ноги. Чувство восторга от этого милого парня, который смотрел на нее так, будто не мог дождаться ответа, заставило ее подавить порыв надавить на него относительно работы. Что если он безработный? Это будет неловко для них обоих. А неловкость настоящая убийца настроения.

— Сейчас я читаю художественный роман для своего книжного клуба: «Юмористическая критика современного феминизма», также я слушаю серию книг о женщинах эпохи Тюдоров. О, а еще у меня есть комикс, который я читаю перед сном. — Она снова усмехнулась при взгляде на его лицо. Она обычно не улыбалась так часто. Преподавая подросткам, чувство юмора притупляется. Ее лицо будет болеть завтра. Она сделала себе мысленную заметку улыбаться меньше.

— Я думал, ты скажешь сейчас о любовном романе или что-то в этом роде. Ого! — Он

потянулся через стол и снова взял ее за руку. К счастью, она была сухой. Хотя тепло от их сплетенных пальцев поднималось вверх по ее руке, она решила не беспокоиться об этом.

— Мне нравится разнообразие! — сказала она. — Пока книги относятся к разным жанрам, я могу продолжать читать их все сразу. Но я лучше умру, чем буду читать любовный роман. — Она задрожала снова, только в этот раз от отвращения.

— Что не так с любовными романами? — Он выглядел искренне озадаченным. Что за черт? Разве это не очевидно?

— Они абсолютно смехотворны. Горячий альфа-самец с разрушенным прошлым и впечатляющим банковским счетом излечивается золотой вагиной наивной девочки, которую он встречает при абсолютно незатейливых обстоятельствах. Нет, спасибо. Это просто грязная сказка для ТП. Это унижительно и нереалистично. Кроме того, секс в таких книгах всегда неестественно доминирующий и управляющий.

Теперь он уставился на нее, эти прекрасные карие глаза полыхали, глядя на нее. Дерьмо, была ли она альфа-самкой? Ой, да ладно. Если ему это не нравится, тогда и он ей не нравится. Хм.

Хотя, это было абсолютной ложью. Он нравился ей и очень сильно. Но, несмотря на свое влечение, она не собиралась жертвовать своими идеалами во имя красивого личика. В этот раз.

Ноа моргнул. Дважды.

— Эм. Вау. А что такое ТП, для начала?

— Тебе известен такой тип девушек. Они агрессивно посредственны. Те, что делают дакфейс на фотографиях в «Инстаграме» с вечеринки восьмидесятых, в то время как сами игнорируют всех на этой вечеринке. Они не очень умны, не очень общительны и требуют много внимания к себе.

— Звучит достаточно осуждающе для кого-то, кто считает себя феминисткой.

Это предложение обрушилось на Джейлин подобно землетрясению в девять с половиной баллов по шкале Рихтера, полностью разрушая ее представление о себе. Это было так убийственно точно.

Если бы не пришел официант с дымящимися тарелками рамен, она бы заползла под стол.

Может, это было слишком откровенно для их первого формального свидания. Но если она не готова была услышать это, он не был уверен, что хочет услышать ее ответ. Грязные сказки!

Ладно, возможно, она права. Не то чтобы Ноа на самом деле читал последние несколько эротических романов, занимающих верхние позиции чартов, но из того, что он понял, ее описание было достаточно точным.

Просто... осуждение — это плохо.

Но.

Отдаляться от того, кто тебе нравится, тоже нехорошо.

Боже, эта лапша была великолепной. Намного лучше, чем тот суп в упаковке, который нужно разогреть в микроволновке, а затем выбирать оттуда горошек. Горошек сухой заморозки плохо поглощает влагу после дегидратации. Он как маленький гороховый зомби.

Противный. А это было похоже на настоящую еду.

Пока он восхищенно смотрел в свою тарелку, Джей уже наполовину покончила со своей едой. Он взял палочки и поднес порцию рамен ко рту. Там также было яйцо! Что за чудо! Несмотря на свои тирады, эта девушка знает толк в еде.

И книгах. Девушка знает толк в книгах. Это горячо. Почти так же, как и она сама. Потому что она, определенно, классная. Он перешел к свинине, прежде чем она заметила, что он не может прекратить пялиться на нее. Потому что, несмотря на тот небольшой неприятный момент, она была девушкой с большим сердцем. И сочными красными губами. И восхитительными волосами, от которых очень, очень трудно удержаться, чтобы не пропустить сквозь пальцы.

Пока он размышлял, свинина стала сухой у него во рту. Была ли она слишком умна для него? Затем он понял, что не жует. Как только он возобновил процесс, все стало лучше. Нет. Она была идеальна для него. Просто ему нужно убедить ее в этом.

— Ты почти закончил? — Ее глаза округлились над тарелкой, когда она элегантно прихлебывала. Кто прихлебывает элегантно? Она была классной. Он также быстро прихлебнул. На самом деле, ему хотелось оставаться на этом месте, продолжая играть в эту странную игру ногами под столом, но они не будут целоваться в пластиковой кабинке. А Ноа определенно хотел поцеловать ее. И как можно скорее.

Он бросил несколько банкнот на стол и потянул ее за руку. Она была немного влажной, что было, черт возьми, восхитительно. Несмотря на весь феминистский фасад, она нервничала рядом с ним. С ним, Ноа Гаррисоном. Это было смешно. И сексуально.

Он не кусался. По крайней мере, пока не привяжет ее к своей кровати. А они еще и близко не подошли к этому. Но как только... ладно. Он мог поспорить на весь свой следующий гонорар, что этой напористой маленькой феминистке понравится, как он будет указывать ей, что делать.

А пока он понятия не имел, как добраться домой.

— Пойдем обратно? — спросил он, взяв ее за руку снова, надеясь, что она поведет.

Она так и сделала. Было достаточно ясно, что ей нравится вести. И он позволит ей, пока. Он даже ничего не сказал, когда она взяла соус и палочки и засунула в джинсы. Хотя подкинул еще несколько баксов на стол.

— Ноа? — Ее голос отвлек его от размеренного звука их шагов в ногу.

— Да? — Он сделал несколько шагов, прежде чем ответить.

— Это было мило.

Он сделал еще несколько шагов, но в этот раз потому, что задумался, была ли она готова к тому, чтобы этот вечер закончился? Был ли это последний раз, когда он ее видел? Было еще достаточно рано, чтобы подводить итоги вечера. Ему нужно было сделать великий жест.

Какой великий жест нужно сделать для такой девушки, как она?

— Это было мило. И сейчас мило тоже. Можем мы еще поговорить о книгах? Я встречал не очень много женщин, которые любят читать. — И таких милых. Книги — это то, что их связало с самого начала. Книги могут их удержать.

— Это касается только женщин? Ты шовинист? — Нет, с этой женщиной все не так просто.

— Нет, Джей. Я думаю, что просто не встречал таких девушек, как ты. — Он развернул ее так, чтобы она могла видеть его глаза. Они были искренними, и он хотел, чтобы она увидела это.

Вранье. Он хотел смотреть в ее невероятные глаза. Но притворился, что все наоборот.

— Ха. — *Что это должно означать?* — Какой твой любимый стиль?

— Что? — Он потерял нить диалога, а именно он его и начал. Он винил в этом ее глаза.

— Ну, мне нравятся писатели Южной Америки. Маркес, Сарاماго. Моя лучшая подруга — учитель, и она увлекается японской прозой — Мураками и все такое. — Она ударила его локтем. Он подумал, что она его подгоняет, но от каждого их прикосновения испытывал дрожь. Он пытался игнорировать ее движение вверх по рукам и вниз вдоль позвоночника.

По крайней мере, их диалог вернулся к тому, что он мог понять.

— Классическая американская литература. Сэлинджер. Стейнбек. Фитцджеральд. Я люблю разнообразную прозу и развитой сюжет.

— Мужские темы. — Она снова тыкнула в него локтем. Он тыкнул в ответ. Джей понятия не имела, как ей все это аукнется, как только она наконец-то станет его.

— Американские темы. Деньги. Власть. Классовая принадлежность. Это не касается вопроса пола. — Чтобы удержать ее от еще одного тычка локтем, он обернул свою руку вокруг ее, переплетя пальцы. Он брал верх над ней, хотя мог поспорить, она этого не понимала. Сделай она какое-нибудь движение, и окажется лежащей на нем, горизонтально, в две секунды. Мысль была возбуждающей.

— Ты не думаешь, что они основаны на гендерной дискриминации? Чернокожие мужчины получили право голоса раньше женщин. Мы были последними маргиналами, которые стали настоящими гражданами. Какими деньгами, или властью, или классом женщина без права голоса могла управлять?

— Поэтому твой голос такой громкий? — он дразнил ее. Не мог устоять. Девушки, которых легко рассердить, смешные. Хотя он не хотел, чтобы этот спор заканчивался. Сжав ее руку, давая понять, что он не серьезен, Ноа повернул на их улицу. Наконец-то. Он знал, где они находятся.

Когда они подошли к подъезду Джейлин, он услышал музыку, доносящуюся из дома по соседству.

— Мило, — прокомментировал он.

— Это Лейси, — ответила она. — Не думала, что она играет в эти дни. — Он потянул ее по цементным ступеням на ровную площадку. Когда звуки одинокой, с разбитым сердцем гитары (судя по минорному ладу и медленному темпу все было именно так) зазвучали, Ноа притянул Джейлин к себе.

И вдруг он больше не волновался о смущении, которым она поставит его в тупик. Он был рад, что она вышла из квартиры и встретилась с ним. Ему было жаль, что он так увлекся девушкой, с которой не мог быть честным. Но эта девушка заставила его хотеть быть честным. Он хотел показать ей все. Пока они раскачивались медленно под мелодию, которую играла Лейси, Ноа приподнял лицо Джейлин.

Когда их губы встретились, время остановилось. Как и его дыхание. И он мог поклясться, что и ее тоже. Ее форма и вкус абсолютно все меняли. Нежная влажность бостонского вечера окутала их, и он потерялся в нежном давлении ее губ. Его язык встретился с ее, и он перестал думать.

Глава 4

Джейлин прогуливалась по Бойлстон-стрит, наслаждаясь веселым настроением,

которое пришло с последним школьным днем. Школьники закончили учебу в среду, и после двух дней административной работы и уборки классной комнаты, ее лето официально началось. Ее всегда забавляло, насколько ученики ждали окончания учебного года, они даже не представляли, что учителя ждут каникул еще больше. Теперь она отмечала свою благословенную свободу, занимаясь одним из своих любимых видов времяпровождения — рассматриванием витрин.

Она шла, слегка раскачивая пакет с плюшками, которые захватила в любимой пекарне вместе с пятью бесплатными пятничными пирожными, которые прилагались по одному к каждой покупке (никто не упустит такую возможность), мысли Джей витали вокруг ее великолепного соседа. Она не видела его после того поцелуя на крыльце. Она бы хотела, но из-за воскресной встречи в «Отныне абсолютно равны» и последней учебной недели даже мельком не видела его. Он был в ее мыслях, как и она в его, в этом она была уверена, судя по новому изданию последнего романа, получившего Букеровскую премию[2], который она нашла у себя перед дверью, когда вернулась с утренней пробежки во вторник. Это был простой знак внимания, но она уцепилась за него.

Только встретив его, Джей уже была увлечена Ноа Гаррисоном. Мужчина, который покупает книги в твердой обложке, уже считался правильным.

Она была так увлечена им, что он пропитал собой все аспекты ее жизни. Пока она собирала бюллетени выборов на встрече «Отныне абсолютно равны», то вспоминала тот поцелуй, как его губы двигались вместе с ее в идеальном единении. Проверяя последние работы по книге «Сепаратный мир» (прим. пер. — роман Джона Ноулза), в образе атлетичного и харизматичного Финни она представляла его. Нет, не Финни. Финни умирает.

И потом, когда подписывала свою фотографию в ежегодном школьном альбоме, снова увидела его лицо, его яркие глаза, дразнящие своей зазывающей сексуальностью. Она видела его везде — или представляла, что видит, — в очереди в банке, в толпе на выпускном, в баре с сестрами Доусон прошлым вечером. Даже сейчас, когда подходила к Desires, бутику высококачественного женского белья, она могла поклясться, что это он только что вышел оттуда.

Джейлин замерла на полушаге и опустила солнечные очки. Это ей не привиделось, Ноа на самом деле выходил из Desires. Ну, разве это не интересно?! Мужчина обычно не посещает магазин белья, если не покупает подарок женщине. Или если он не извращенец. Или трансвестит. А так как их отношения еще и близко не подошли к уровню покупки белья, она знала, что он покупает его не для нее, так как это было бы странно.

В любом случае это расстраивало.

А также пугало.

Она не видела его почти неделю, и как только увидела, ее сердце начало хаотично биться. Он был просто потрясающим.

Ноа заметил ее примерно в тот же момент, когда она вспомнила, как ставить одну ногу перед другой. Они шли навстречу друг другу, его улыбка соответствовала ее.

— Ноа? Так и думала, что это ты. — Она подняла очки на голову и поняла, что сначала нужно было рассмотреть его как следует. Теперь она упустила возможность сделать это незаметно. Она могла подождать, когда он не будет смотреть, чтобы рассмотреть его крепкое тело. Возможно.

— Джей. — Даже от того, как он говорил ее имя, ее желудок делал сальто. Он потянулся, чтобы сжать ее свободную руку. — Что ты здесь делаешь?

— Просто прогуливаюсь. — *Не смотри вниз, не смотри вниз.* — А что здесь делаешь ты — более интригующий вопрос.

Он последовал за ее взглядом, когда тот метнулся от его великолепного лица к двери Desires. Он отпустил ее руку, а его шея приобрела легкий оттенок красного.

— Тоже. Просто гуляю.

— И твоя прогулка завела тебя в магазин женского белья?

Она посмотрела вниз, ее внимание остановилось на его бедрах. Что мужчина может делать этими бедрами... она, наверное, застонала вслух при этой мысли.

По крайней мере, ее осмотр показал, что он был с пустыми руками. Это было хорошо. Это означает, что он ничего никому не покупал. Но, если он ничего не покупал, это означает, что он просто смотрел, а это кажется ужасно извращенным, или, по крайней мере, овеществлением женщин. Не то чтобы Джейлин не нравилась красивая пара трусиков, но она носила их, чтобы чувствовать себя хорошо, и, определенно, не для мужчин. Как только она подумала об этом, сразу же представила взгляд Ноа, если тот увидит ее в чем-то таком же сексуальном, как на витрине. Она практически могла слышать его вдох... но нет, потому что это было глупо и по-детски. Почему она становится глупой и похожей на подростка рядом с ним, когда он ни разу не возражал против того, чтобы она была сильной женщиной?

Конечно, она только что поймала его, выходящим из магазина женского белья. В одиночку. Абсолютное извращение.

Но Ноа не казался извращенцем. Он был джентльменом рядом с ней. Она была уверена что он несколько раз смотрел на ее попу в тот вечер, а прямо сейчас он смотрел на ее ноги в коротких шортах, которые были на ней надеты, и все время флиртовал, но был уважительным. Должно быть иное объяснение этому визиту.

Она не могла дождаться, когда услышит его.

— Эм. — Он вытер руки о джинсы, затем неловко засмеялся. — Ну, да. — Он покраснел. — Эй, раз уж мы здесь... — Он положил руку ей на талию — вдоль позвоночника прошло покалывание — и указал на книжный магазин. — Присоединишься ко мне за чтением?

Это было очевидное уклонение от ответа, но также и приглашение — предложение, которое Джей была более чем рада принять.

— Никогда не откажусь от чтения. — Она подмигнула ему. — Мне даже интересно посмотреть некоторые книги.

Слишком кокетливо? Возможно. Но она заработала этим фантастическую улыбку.

Ноа сопровождал ее до двери в «Книжный уголок», положив руку ей на поясницу, прожигая своим теплом материал одежды. Внутри он направился к отделу художественной литературы, но она остановила его.

— О, нет, нельзя посетить «Книжный уголок», не остановившись у «Литературного вина». — Она кивнула в сторону бара, примыкающего к магазину.

— В книжном магазине есть бар? Этот район становится все лучше и лучше.

Рука Ноа упала с ее поясницы, когда они заняли очередь. Из-за паузы в разговоре и без его прикосновения неловкость вызывала зуд на коже. Вскоре его сменили мурашки, когда он притянул ее к себе, а сумка с плюшками оказалась между ними.

— Это не совсем подходящее место для этого, — сказал он мягко, когда его рот находился в сантиметрах от ее, — но я не мог прекратить думать о том поцелуе с субботнего вечера. Поэтому прости мое нахальство... просто не могу удержаться.

Прежде чем она смогла ответить или возразить — ага, будто она была против — Ноа накрыл ее губы своими. Этот был такой же приятный, как и их первый поцелуй, но более уверенный и изголодавшийся. Его язык легко скользнул в ее рот и щелкнул по ее языку, заставляя ее желудок сжаться, а бедра дернуться, и мысли заполнились грязными фантазиями.

Поцелуй был коротким, но к тому моменту, как он отстранился, она была полностью захвачена им. В животе порхал рой бабочек, которые, по ее мнению, были больше похожи на рой пчел от того, как создавали внутренний гул желаний. Между ней и Ноа, несомненно, существовало сексуальное напряжение, и хотя она не была из тех, кто прыгает в постель, не получив достаточную порцию ухаживаний, у Джей было ощущение, что их физические отношения, скорее всего, получат быстрое развитие — с ухаживаниями или без.

Фактически, она была готова наклониться и поцеловать его снова, но подошла их очередь заказывать.

Несколько минут спустя и после того, как она запихнула пачку дополнительных салфеток в сумку, Джей и Ноа шли по проходам «Книжного уголка» потягивая «Каберне Совиньон» из прозрачных пластиковых стаканов с трубочками.

— Это невероятно.

Джей улыбнулась мнению Ноа. Этот магазин был одним из ее любимых мест в городе. Еще одна галочка в колонку «плюсов» Ноа, которая становится такой длинной, что она начинает подумывать, что он состоит только из положительных черт.

— Рада, что ты одобряешь. Книги и вино. О чем еще можно просить?

— Хорошая компания. Хотя назвать тебя хорошей компанией — приуменьшение века.

Ее щеки порозовели, и Джей была уверена, что это не вино произвело такой головокружительный эффект. Они встречались несколько раз и непринужденно болтали. Она хотела бы, чтобы он пригласил ее на что-то более формальное.

Затем она вспомнила, что была женщиной современного поколения, — она сама могла его пригласить. Она так и сделает. После еще нескольких глотков вина.

Они пошли по проходу с газетами, ее глаза просматривали заголовки без особого энтузиазма. USA Today и New York Times представляли статьи по экономике. На титульной странице Boston Globe продемонстрирован рост преступности связанный с наркотиками в районе Back Bay, в котором они живут. Затем пошли журналы — истории о знаменитостях, их свадьбах и разводах, детях, способах похудения удостаивались обложек. Пока она дошла до таблоидов в конце ряда, то выпила все вино, и ее отвага возросла.

— Итак, — сказала она, когда они одновременно повернули к секции бестселлеров художественной литературы, — у тебя есть планы на вечер?

— Только работа, — Ноа ответил рассеянно, взяв в руки последний криминальный триллер. Он хмурился, читая описание на задней стороне обложки. — Люди на самом деле покупают это дерьмо? — пробубнил он себе под нос.

Популярная книга, которую он держал, была особенно оскорбительна для всех, кто имел хотя бы минимальные познания в английском. Но Джей была больше заинтересована в предыдущей части его ответа. Она поняла, что так и не знает, чем ее новый сосед зарабатывает на жизнь. Он выкручивался, когда она спрашивала ранее, но теперь он сам открыл эту дверь.

— Работа? — Она провела рукой по стопке последних подростковых романов, пытаясь казаться непосредственной. — Чем ты снова занят?

Ноа бросил книгу и стрельнул в нее взглядом, нахмутив брови, будто не понимал, о чем она спрашивает.

— О, я имел в виду работу по дому. — И сосредоточил свое внимание на следующем ряде книг. — Я все еще не полностью обосновался. Коробки повсюду. Это и занимает мое время.

Распаковка на самом деле занимает время. Но все-таки. Почему у Джей такое чувство, что его ответ был прикрытием? Он не хочет говорить о своей работе? Каждый раз все заканчивается одинаково, он уклоняется. Что ужасно любопытно. И загадочно. А у Джей проблемы с нерешенными загадками.

Она отложила вопрос со свиданием и последовала за своим любопытством.

— Переезд — отстой. Можешь взять передышку, по крайней мере?

— Угу. — Он даже не смотрел на нее.

Абсолютно уклончив.

Она закусила губу и размышляла. Может, у него на самом деле не было работы, и он живет на пособие по безработице. Но квартиры, в которых они живут, нельзя позволить себе на пособие. Или, может, он занимается чем-то постыдным. Она слышала, что те, кто роются в мусорных баках, хорошо зарабатывают. Но определенно тот, кто роется в мусоре, не пахнет так вкусно, как Ноа Гаррисон, не так ли?

Она обдумывала все это. Если он не говорит ей, значит, не хочет. Она должна уважать его частную жизнь. Даже если это означает игнорировать свою внутреннюю Нэнси Дрю[3]. Может, один малюсенький поиск в Google позже не помешает.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Они повернули в другой ряд, и Джей увидела мусорную корзину. Протягивая пакет с выпечкой и глядя на пустой стакан Ноа, она сказала:

— Меняюсь.

— Ты хочешь, чтобы я подержал твои плюшки? — сказал он с соблазнительной улыбкой.

Ей удалось удержать его взгляд, и она игриво ответила:

— Разве ты не понял? Я весь день пытаюсь заполучить твои руки на моих плюшках.

Он усмехнулся, взяв пакет и передав ей свой стакан. Она развернулась к мусорной корзине, а он крикнул ей вслед:

— Эй, Джей? — Он подождал, пока она не посмотрит вопросительно через плечо. — Классные плюшки.

Теперь была ее очередь смеяться. Боже, этот парень был хорош. Восхитительный и любитель пофлиртовать, и откровенно сексуальный. *И у него есть книги!* Большой плюс. Он запал на нее; в этом не было сомнения. Казалось, он уважает ее ум и независимость, и, нельзя отрицать, в нем есть романтическая черта. Мог ли Ноа Гаррисон быть всем, что она ищет?

Слишком рано говорить, решила она, бросая стаканы в корзину, но была оптимистично настроена впервые за многие месяцы.

Когда она направилась обратно к нему, то обнаружила, что он все еще смотрит на нее. Он пялился на ее зад до этого, она поняла, но снова-таки, это не было оскорбительно. Он оценивал ее в такой же манере, как и она его. Его сильные бедра бегуна, грудь, которая, как она могла сказать, была хорошо выражена даже через одежду, сексуальные изгибы бицепсов...

— Что, Джейлин, овеществляешь меня? — поддразнил он.

Она покраснела. Она не хотела оценивать его прямо сейчас, и не так очевидно. По крайней мере, ему хватило порядочности делать это у нее за спиной.

Пытаясь скрыть глубину своего позора, она повернула к ближайшей книжной полке и нашла случайную книгу, притворяясь, что читает, и одновременно приходя в себя.

— Говоря об овеществлении ... — голос Ноа был вызывающим и поразительно близким, который исходил из-за ее плеча. Черт, мужчина умел подбираться тихо. — Я думал, ты такое не читаешь.

— Что? — Она посмотрела на книгу, которую держала. «Просвещение женщин». — О. — Из всех книг, которые она могла взять, ей удалось выбрать самую унижительную — эротический роман. В самом деле?

Кроме того, она не должна позволять этому смутить ее. Она была большой девочкой. Она могла натянуть свои трусики большой девочки и ответить.

— Это роман? Я не поняла, что взяла. Сейчас обложки такие обманчивые, как и непонятные имена авторов, которые им соответствуют, будто каждый, кто читает их, скрывается. — Эта была написана Н. Мэтью, с богато украшенным ручным зеркалом на темно-синем фоне обложки. Что ни о чем не говорит. Как кто-то может понять, о чем эта книга?

Ноа встал сбоку от нее, где она могла видеть его, и облокотился рукой о полку.

— Обманчивые обложки делают их менее очевидными. Некоторые люди стесняются читать такие книги в людных местах.

Она покачала головой и цыкнула.

— Значит, все на самом деле скрывают. Это ужасно. Им должно быть стыдно. Они наносят вред женскому движению. Такие идеи увековечены книгами, как эта, которая возвращает нас обратно к пятидесятым годам.

Он неодобрительно смотрел на нее сверху вниз.

— И снова ты осуждаешь. Ты уверена, что они вредны?

Она ненавидела разочарование в его словах. Но было ли это разочарование или одновременно вызов ей в первую очередь? Она ответила:

— Ты читал их?

— А ты?

— Конечно, нет! — Сама идея казалась ей брезгливой, это хуже, чем смотреть на журнал Hustler[4]. Она не была ханжой, но текущие тенденции в любовных романах и типичная порнография попадали под категорию культуры, которая представляла женщину, подчиняющуюся и едва ли не представляющую собой сосуд для мужского использования.

— Так откуда ты знаешь, какие они?

— Я... — Серьезно? Все знают, какие они. Правильно? Потому что это именно то, что ей говорили на предмете «Женские исследования» в колледже (прим. пер. — академический курс по социологии, истории, литературе и психологии, который фокусируется на роли, опыте и достижениях женщин в обществе). Потому что это то, что каждая статья в ее журнале «Женская перспектива» рассказывает. Потому что в «Отныне абсолютно равны» было много дискуссий и встреч на эту тему.

Но все те причины были основаны на опосредованной информации, а она была достаточно умной, чтобы знать: не стоит принимать популярное мнение, не сделав хотя бы малейших исследований.

Ну, теперь у нее появилась такая возможность. Она открыла книгу на середине и просмотрела страницу.

— Вот, — сказала она, указывая пальцем на абзац, который попался ей на глаза. — Послушай это:

Я обернул руку вокруг ее талии и притянул к себе, мой пульсирующий член прижимался к ее бедру.

— *Ты чувствуешь это, птичка? Это ты со мной делаешь. И так как ты ответственна за это, то позаботишься обо мне сейчас. На колени. — Я надавил на ее плечо, и она сразу же упала на землю. — Хорошая девочка, — похвалил я ее. Она очень хорошая девочка.*

Джейлин пропустила следующие пару абзацев, в которых продолжалось очень красочное, доминирующее описание минета, затем закрыла книгу и с отвращением вернула ее на полку, фукая. На самом деле, она не чувствовала отвращения. Что было странно. Особенно, если учесть, что она почувствовала возбуждение. Что, может, и не было так странно, потому что Ноа оставался стоять очень близко к ней. Слишком близко, учитывая, насколько горячей была ее кровь сейчас, пробегая под кожей. Она отступила на шаг, надеясь, что он не заметит.

— Ну и что? — спросил Ноа.

— Это было... — Она сглотнула, собираясь с мыслями. *Сконцентрируйся на критике. Отбрось эмоции.* — Ты слышал. Это было унижительно.

Она отвернулась от полки, от его проникновенного взгляда, она не хотела думать о проникновении в данный момент, особенно в уравнении с Ноа — и начала идти вдоль прохода, надеясь, что увеличение дистанции между ней и объектом обсуждения отгородит ее от самого обсуждения.

Ноа последовал за ней.

— Насколько унижительно?

Значит, разговор продолжается. Она не могла совсем расстроиться из-за этого. Это то, что ей нравилось в Ноа с самого начала. Он не боялся отстаивать свою точку зрения, а Бог знает, как ей нравились хорошие дебаты.

Конкретно эти дебаты заставили ее ощетиниться, и она не знала почему. Она чувствовала себя уверенно относительно аргументов. Тогда в чем проблема?

— Насколько унижительно? — повторил Ноа, поравнявшись с ней.

О, да. Он спросил, а она еще не ответила. Она вспомнила слова, которые прочитала — горячий альфа-самец и его простые сексуальные команды...

Нет, не сексуальные. Сексистские.

— Хорошая девочка? Будто она собака? — Она надеялась, что ее голос звучал с отвращением, а не с интересом.

Ноа покачал головой.

— Не будто она собака. То, что она делает, удовлетворяет рассказчика. Разве не такова суть секса? Удовлетворять друг друга?

— Не унижая одну из сторон. — Теперь они шли по направлению к дверям магазина.

Джейлин прошла, отметив, что хоть он и придерживался противоположной стороны в их споре, по крайней мере, он не пытался придержать для нее дверь. Еще одна галочка в колонку «плюсов» Ноа. Плохо, что набралось также несколько галочек в колонке «минусов». Оказывается, они все-таки существуют.

Он подождал, пока они не окажутся на улице и направятся обратно в сторону Бекон-

стрит, прежде чем начал снова:

— Почему это унизительно по отношению к ней? Я имею в виду в этой истории. Потому что она хотела удовлетворить его? Потому что она охотно подчинялась ему в сексуальной жизни? Люди так не делают в реальном мире, Джейлин. Только в спальне. — Он взвинчивался, был вспыльчивым относительно своей точки зрения. — Не все правила действуют.

Теперь она могла поспорить, и у нее были твердые убеждения. Ей даже не нужно было прятать глаза за темными очками, хотя она все равно их надела.

— Но это именно то место, где они должны действовать. Иначе мужья все еще могли бы насиловать жен просто потому, что они состоят в браке, и единственным, кто достигал оргазма, были бы мужчины.

О, Боже, не позволяй Ноа быть одним из тех жадных до оргазмов мужчин, которые до сих пор верят, что точка G не что иное, как слухи.

Ноа пренебрежительно махнул рукой.

— Да, да, я не делаю им скидку. Много всяких несправедливых вещей было сделано по отношению к женщине, как в спальне, так и за ее пределами, и они все еще происходят по всему миру. Я знаю и понимаю. Я поддерживаю и восхищаюсь теми, кто борется против такого вида угнетения. Я даже делаю пожертвования для организации по защите прав женщин, которая работает по всему миру.

Джей улыбнулась, когда мысленно поставила еще одну галочку в колонку «плюсов». Несмотря на то, что он поддерживал теорию равноправия полов, было интересно, насколько осуждающе он вел себя относительно этой конкретной темы.

Он шумно выдохнул. Когда заговорил снова, то был спокойнее:

— Но если все согласовано... если мужчина и женщина пришли к согласию, что им нравится отбросить свои обычные культурно-приемлемые половые роли во имя чего-то, что они оба находят приятным в своих сексуальных взаимоотношениях, они не должны испытывать чувства вины от этого или осуждение людей, как ты.

— Почему это так тебя задевает? — Не казалось, будто он участвует в написании любовных романов. И он сразу сказал, что не читает их... она застыла на месте и открыла рот от удивления, когда поняла. — О, боже! Тебе нравится все это, не так ли?

Он остановился на шаг впереди нее, повернулся и сказал:

— Я не люблю читать...

— Не читать, — она перебила его. — Секс. Доминирующее поведение. Тебе нравится подчинять себе партнера. Я права, не так ли?

Он не ответил, что само по себе являлось ответом.

— Я права! — Она почти хлопала в ладоши от своей успешной догадки. Ладно, она на самом деле хлопала. Но только один раз.

Затем...

Вот дерьмо.

Трепет победы испарился, когда она осознала более глубокий смысл своего открытия, — Ноа был доминантом. Такой секс подрывал весь прогресс женщин, который был достигнут за последние полвека. Секс, который делал из женщины не больше, чем прислугу для мужчины. Секс, в котором она никогда бы добровольно не приняла участие, потому что как бы он ни был привлекателен и горяч, это идет в разрез с ее главными ценностями.

А это означает, что у них с Ноа никогда не будет секса. Это было действительно очень

грустно.

Она снова начала идти, и он вместе с ней. Он молчал, и она была благодарна за это. Он давал ей время, чтобы все обдумать, но его молчание только заставляло ее думать о худшем.

Может, она не представляла себе точной картины.

— Так тебе нравится все это? — спросила она. — Кнуты, цепи, связывание и боль?

— Я не садист, — ответил он. — Или мазохист, если на то пошло, хотя мне нравится шлепнуть пару раз.

— О. — Это было так грубо. Так почему мысль о том, чтобы быть отшлепанной Ноа сделала ее трусики влажными?

— И мне нравится связывать.

Она задрожала.

— И повязка на глазах.

Ее рот был полон слюны.

— Но по большей части мне просто нравится быть главным.

— Правильно. Боссом. — Как и большинству мужчин в патриархальном обществе, в котором она жила. Как мужчинам, у которых зарплата больше, чем у женщин с таким же уровнем образования и опыта. Как мужчинам, которые не воспринимают слово «нет». Стоп — зарплата — что, если он снимает порнофильмы? Дерьмо. Она обдумает это позже.

Прямо сейчас это не имеет значения, если контроль был сферой интересов Ноа — этого было достаточно, чтобы он был неправильным для нее.

Он встретился с ней взглядом, решительно поддерживая интимность разговора.

— Послушай, доминирование не должно быть пугающим. Мы могли бы... — Он остановился, будто понял суть предположения, которое сделал. — Я имею в виду, я мог бы попытаться смягчить все. Если моей партнерше это не нравится.

То, что он предлагал, было мило — отойти от своих предпочтений, чтобы они могли быть вместе, но что это изменит? Она переспит с ним, потом, вероятно, влюбится в него еще сильнее, привяжется, возможно, он тоже привяжется к ней. И все это время то, от чего он отказался, будет поедать его изнутри и, в конце концов, его негодование разрушит все хорошее между ними. Это было равносильно отношениям, построенным на обмане. Это не сработает, не стоит даже пытаться.

— Джейлин... — Боль в его голосе говорила о том, что он не только понял развитие ее мыслей, но и что он разделяет ее досаду.

— Все нормально, — сказала она. Хотя глаза были наполнены слезами. Спасибо солнечным очкам. Это глупо чувствовать себя так из-за кого-то, кого едва знаешь.

Ноа переложил пакет с плюшками в другую руку, а свободной рукой переплел их пальцы. Она ему позволила. Это было что-то вроде прощания. Между ними никогда ничего не может быть. Не больше этого. Джей знала, что в отношениях нужно идти на компромисс, но отказаться от своих феминистических убеждений, так сказать, не было компромиссом, это было нарушением целостности.

Несмотря на теплый день и тепло, излучаемое его кожей — и да, ее рука стала липкой — Джей чувствовала холодные и неприятные клыки одиночества, которые хватили ее. Может, именно поэтому многие ее подруги были одиночками. Или лесбиянками. Потому что мужчин, которые хотели принять их, было мало, и они встречались редко.

В тот момент ее не волновало, что мужчину ее мечты невозможно найти. Она была слишком расстроена тем, что этим мужчиной не будет Ноа. Так глупо. Она даже не знала,

чем он зарабатывает на жизнь. Предположение о порнофильмах снова промелькнуло в ее мыслях, но она отбросила ее. Теперь это не имело значения.

Они подошли к ее крыльцу, оба остановились, но никто не отпустил руку. Джей хотела растянуть момент, но тишина между ними стала неловкой, и нужно было что-то сказать.

Не придумав ничего значительного, она остановилась на своем другом возможном предположении.

— Ноа, ты работаешь в том магазине женского белья? Поэтому ты был там?

— Нет. — Он засмеялся. — Нет.

Она любила звук его смеха. Он заставлял ее улыбаться, несмотря на подавленное настроение.

— Тогда почему ты там был? Ты мне так и не сказал.

Он помолчал и, наконец, ответил:

— Я никогда не был в таких магазинах раньше. Хотел посмотреть, какой он.

Признание казалось честным, но пауза перед ответом и тот факт, что мужчины не ходят в магазин женского белья просто, чтобы посмотреть, какой он, заставил ее усомниться.

— Ты глазел на манекены? Или надеялся, что одна из продавцов наденет белье, чтобы продемонстрировать тебе? Так работает твое доминирование?

— Нет. — Он снова засмеялся. Затем вдруг стал серьезным. — Нет. Послушай, я знаю, что у тебя есть эти предвзятые представления о таких вещах, и, вероятно я ничего не могу сделать, чтобы изменить твое мнение о них. Или свое, раз на то пошло. Что на самом деле очень плохо. Потому что я честно ходил в тот магазин из интереса.

Он сделал шаг вперед, уменьшая дистанцию между ними, его естественный мужской аромат окутал ее, словно одеяло.

— И все время, что я был там, единственное, о чем я думал, — это насколько сексуально все это выглядело бы на тебе. Красный просвечивающийся пеньюар контрастировал бы с твоими темными волосами так идеально. Или, может, черное кожаное бюстье приподнимало бы твои прекрасные груди. И я определенно хочу увидеть чулки из белого кружева на твоих ногах, которые будут обернуты вокруг меня.

У нее оборвалось дыхание, а пульс участился. Она должна быть оскорблена, не так ли? А она не была. Ни капельки. Все, чего она хотела, — это чтобы Ноа продолжал говорить.

К счастью, он продолжил:

— Может, это слишком быстро для тебя, и ты, возможно, назовешь это сексистским, но я называю это безрассудной страстью. И так как после сегодняшнего дня я, вероятно, никогда тебя не увижу снова в более чем дружественном смысле, я должен выложить все свои карты. Ты мне нравишься, Джейлин. Да, мне нравится доминировать в постели, но я видел твои глаза, когда ты читала ту книгу. То, как они расширились, то, как твое дыхание сбилось, — ты была возбуждена.

— Это не...

Он отпустил ее руку и приложил палец к ее губам.

— Не говори.

Она подчинилась. Удивительно, так как она не была из тех, кому легко закрыть рот. Может, у нее была склонность к подчинению, в конце концов.

Положив ладонь на тыльную сторону ее шеи, Ноа притянул ее к себе, пока их лбы не соприкаснулись.

— Ты можешь признать это или нет. Это твое дело. Мне просто нужно, чтобы ты знала,

если ты заинтересована... если ты желаешь исследовать другую сторону себя, сторону, которая личная и частная и предназначена только для постели, тогда, пожалуйста, подумай обо мне. Я с удовольствием стану тем мужчиной, который раскроет перед тобой эти возможности.

Она была рада, что он держал ее, иначе, она боялась, что могла бы упасть в обморок. Она на самом деле ослабла от влияния его головокружительных слов. Они возбуждали, но более того, они приглашали, и не только почитать книгу, а к чему-то более глубокому. К тому, о чем она мечтала.

Так почему она отказывалась?

Глупый вопрос. Она знала ответ. Она прокручивала его в голове снова и снова, пока они шли. Но все еще она не могла сказать «нет» вслух. Она не могла сказать ничего, поэтому просто стояла там, слегка приоткрыв рот, пока впитывала этот момент. Ноа не подгонял ее, казалось, ему не нужен ответ. Он взял ее за руку и повернул ладонью вверх. Вложил пластиковые ручки пакета с выпечкой в нее, и согнул пальцы. Затем наклонился, чтобы поцеловать ее — сладким, коротким поцелуем в уголок ее губ.

— Увидимся, Джей.

— Да. — Она будет встречаться с ним. Они поболтают и обменяются любезностями. Пошутят о книгах. Все будет хорошо. Она кивнула, прежде чем развернуться и направиться вверх по лестнице; каждый шаг требовал больше энергии, чем обычно. Она не оглянулась, но чувствовала его взгляд на себе, пока не переступила порог здания, и за ней не закрылась дверь. Затем она не ощущала ничего, кроме одиночества.

Ну, это было не совсем правдой. У нее все еще был его монолог, с которым он ее оставил. Слова эхом отдавались в ее голове, повторяясь по кругу, умоляя ее отреагировать.

Она размышляла над этим, поднимаясь в квартиру, поставив плюшки на кухонную столешницу, прежде чем рассеянно поприветствовать Пуки. Был ли Ноа прав? Могла ли женщина на самом деле быть независимой и прогрессивной в реальном мире, но наслаждаться подчинением мужчине в спальне?

Могла ли она? Часть ее тайно хотела, чтобы о ней позаботились и контролировали, а другая часть ее отрицала это.

Так почему бы ей не попробовать? Если это будет приватно, и никто не узнает, кому это повредит? Теперь, когда она думала об этом, то вспомнила, что в ее либеральном книжном клубе были несколько женщин, которые признали, что не только любят читать, но и играть в доминанта-субмиссива, и это не имело никого негативного влияния на их политические убеждения. Они так же делали это друг с другом, поэтому она не думала дважды.

Могла ли она? Могла ли она сделать это с Ноа?

Может, она могла попробовать, прежде чем принять решение. Хотя она уже выбрала кокетливое платье и свой самый лучший комплект белья, пока вела внутренний спор, казалось, она уже приняла решение.

Глава 5

Ноа потер рукой лицо и осмотрел квартиру, которая напоминала море коричневого

цвета. Казалось, теперь все на своих местах. Время приступить к работе. Он и так откладывал дольше, чем следовало, и теперь отстал от графика. По крайней мере, удалось полностью распаковаться. Хотя он бы предпочел отложить работу ради чего-то другого, например, свидания с Джейлин. Или времени после свидания с Джейлин. Или как бы это ни называлось, главное, чтобы включало ее наготу и его тело сверху — *внутри* — Джейлин.

Был ли это животный инстинкт? Слишком грубо. Интрижка? Слишком вульгарно. Встречи по-соседски без одежды? Слишком пошлово.

Может, ему нужно написать новую книгу. Какой бы ни оказалась история, главной героиней в ней была бы Джейлин.

Джейлин. Он не мог подумать о ней, не вздохнув. Она была такой... такой... упрямой. Вот какой. Наряду с множеством других менее разочаровывающих прилагательных, таких как умная, восхитительная, сексуальная, увлекательная, страстная. А вот проблема в упрямстве. Он понимал, что она взволнована. Она посвятила всю себя независимости, и это было одно из тех качеств, которое он обожал в ней больше всего. Она была решительной. Сильной.

Но под всей ее силой он ощущал что-то хрупкое и беззащитное, часть ее, которая стремилась убрать оборонительные ограждения. Он мог бы сделать это для нее, он был уверен в этом. Если бы она только позволила и прекратила прятаться.

Черт, кто он такой, чтобы обвинять кого-то в том, что он прячется? Разве не именно это он делает, не рассказывая никому, чем на самом деле зарабатывает себе на жизнь, увиливая от вопросов, уклоняясь от ответов? Был момент, когда он почти рассказал Джей. Когда она решила, что он работает в том магазине женского белья, он почти объяснился. Но после того, что произошло в книжном магазине, когда она безошибочно догадалась о его предпочтениях в постели, у него не было желания отталкивать ее еще дальше. Поэтому он промолчал.

Не то чтобы он стыдился выбора своего занятия. Хотя именно так все и было. Он любил свою работу, никогда бы ее не бросил, но существовал определенный дискомфорт. Так много людей, не раздумывая тыкали бы в него пальцем, осуждали. Такие люди, как Джейлин Ким.

И вот он снова вернулся к Джейлин. Его мысли крутились вокруг нее. «*Отпусти, —* сказал он сам себе. — *Прекрати фантазировать, что она проникнется словами и появится у твоей двери в одной из тех облегающих сорочек, которые ты видел в Desires*». По правде говоря, именно по этой причине он отложил работу сегодня вечером: надеялся, что она передумает. Прошло уже три часа с тех пор, как они расстались, а он все еще был один. Очевидно, она не приняла его приглашение.

Время двигаться дальше.

Сдувая прядь волос с лица, он упал в кресло возле стола и открыл ноутбук. Только он навел курсор на документ, как услышал стук в дверь. Он замер на мгновение, ожидая, пока стук повторится снова, чтобы убедиться, что ему не показалось, прежде чем закрыть крышку компьютера и встать.

Перед входом он успокоился и затем повернул ручку. Его фантазия не воплотится в жизнь, поэтому не стоит слишком сильно надеяться. Он открыл дверь и понял, что был прав — это не его фантазия. Не совсем, потому что Джейлин была одета не в сорочку. Также, в его мечтах не было тарелки плюшек, которую она держала перед собой как щит.

Все было лучше, чем он себе представлял, но это было на самом деле. Она была здесь. А

плюшки были все еще теплыми, так как глазурь стекала по бокам как воск со свечи: милый ход.

Не сказав ни слова, он открыл дверь шире. Все, что должно быть сказано, даже если это просто соседский визит, должно быть сказано наедине. Закрыв дверь, он развернулся к ней. Он хотел сказать правильные вещи, хотя понятия не имел, что именно. Глупо, так как ему говорили много раз, что у него нет проблем с выражением мыслей.

Оказалось, ему не требовалось говорить, так как Джейлин приготовила собственную речь. Это было всего два слова, но это именно то, что он хотел услышать:

— Покажи мне.

Молча он взял из ее рук тарелку и поставил на ближайший конец стола. Затем, хоть и очень хотел притянуть ее в свои объятия, он должен был удостовериться, что она действительно этого хочет. На его условиях.

— Мы не обязаны это делать, Джей. Не в этот раз. Мы могли бы...

Она не позволила ему закончить, прижимаясь к его груди и обнимая за шею.

— Покажи мне, — сказала она снова, перед тем как обрушить на него свои губы в яростном, гипнотизирующем поцелуе.

Ну, урок первый: соблазнением управляет он, но это было ужасно приятно.

Их поцелуй длился, казалось, часы. Или, вероятнее, всего несколько секунд. Он был поглощающим и страстным, и время остановилось, когда их губы прилипли друг к другу. Они двигались жадно, и ее руки с нетерпением поглаживали его грудь.

Вскоре она уже толкала его в сторону дивана. Она была настолько требовательной, настолько неконтролируемо нуждающейся в его руках. Только в этом всем не хватало подчинения. И вообще, она думает, что он подарит ей лучшую ночь в ее жизни на каком-то диване? Он схватил ее за попку и поднял. Она издала тихий звук, но не протестовала, когда он понес ее в свою комнату, а их рты все еще были соединены.

Когда они остановились у подножья кровати, его язык переплелся с языком Джейлин, Ноа решил забыть о просьбе «покажи мне», и позволить страсти взять верх. Он имел это в виду, когда говорил, что все не должно происходить в определенном порядке, по крайней мере, не все время. А это агрессивное поведение и сдирание одежды безумно заводило его.

Но так как Джей контролировала весь процесс соблазнения до сих пор, она изменила решение Ноа, вдруг оторвавшись от его губ и упав на колени перед ним.

— Ух... — Ему пришлось прикрыть рот, чтобы не рассмеяться. Она выглядела сексуально: голова была склонена, глаза опущены на его ступни, будто она думала, что это поза сабмиссива. Почти похоже, но в ее исполнении все было неправильно. Она не понимала сути, выполняя взятые на себя обязательства, а не отпуская себя. Если бы она просто смогла это сделать, если бы она могла отдаться ему полностью, она бы поняла.

Он должен научить ее.

Ноа провел рукой по ее щеке, а затем наклонился, чтобы помочь ей встать. Она нахмурила брови в замешательстве, но он поцеловал ее в лоб, чтобы она расслабилась.

— Следуй моим указаниям, Джей, ладно?

— Ладно, но... — Она сглотнула. — Я не знаю, что должна...

Он прервал ее, проведя большим пальцем по ее верхней губе.

— Я расскажу тебе. Тебе просто нужно расслабиться и сфокусироваться на мне, хорошо?

Она остановилась, делая глубокий вдох.

— Хорошо.

Ее рот слегка приоткрылся, а затем снова закрылся, и Ноа знал, что она боролась с желанием задать больше вопросов. Они позволили тишине повиснуть между ними, чтобы она могла к ней привыкнуть, привыкнуть к тому, чтобы не контролировать скорость развития событий. Он знал ее достаточно хорошо и понимал, что это самая трудная часть для нее, поэтому он старался не спешить.

Когда он почувствовал, что ей становится комфортно, то дал ей инструкции, которых она ждала.

— Ладно, правила таковы. — Он провел руками от лямок платья вниз по ее голым рукам. — Я главный. Ты не споришь со мной. Не отказываешься выполнять мои команды. Если тебе не нравится что-то из того, что я говорю тебе делать, просто скажи, и мы вернемся к чему-то более комфортному для тебя. Но удовольствие исходит от доверия. Если ты постоянно подвергаешь сомнениям мои просьбы, то никто из нас не будет удовлетворен в той мере, в которой это возможно. Я не сделаю тебе больно. Не по-настоящему. Хотя я могу укусить. И шлепнуть. Тебе не позволено делать что-либо со мной без разрешения. Если ты хочешь поцеловать меня, тебе нужно спросить разрешение. Если ты хочешь дотронуться до меня, опять-таки, ты должна спросить.

— Мне нужно спрашивать, если я захочу сказать что-то?

Он усмехнулся. Ожидать тишины от Джей было нелогично. Кроме того, он любил ее голос, любил то, что она говорит (по большей части), любил гортанные звуки, которые она издавала при поцелуе. И, конечно же, он не мог дождаться, чтобы услышать, как она кричит, когда он заставит ее кончить.

Его штаны натянулись в предвкушении.

— Нет, говорить ты можешь. Но я могу попросить тебя молчать время от времени, и тогда ты должна подчиниться. Ясно?

— Да, Ноа. — Она подняла брови. — Предполагается, что я должна называть тебя «сэр»?

Он едва сдержался, чтобы не закатить глаза.

— Можно просто Ноа. — Да, ему нравилось быть доминантом в сексуальной жизни, но он не был настоящим Доминантом. Он не занимался связыванием и не вешал ошейники на своих саб, и не посещал секс-клубы. Не то чтобы это все не звучало интересно, хотя бы на одну ночь, но это не его стиль жизни. Ему просто нравилось управлять обменом удовольствиями между ним и его любовницей. Он был хорош в этом.

Но Джейлин не могла пока этого знать. Скоро она выяснит. Он провел рукой по ее волосам, осторожно, чтобы она не подумала, что он гладит ее как собаку.

— Еще вопросы?

— Только один. — Она взглянула на него глазами, затуманенными страстью, в которых был только намек на беспокойство. — Будь достойным меня, ладно?

Боже, эта простая просьба разрушила его, заставила усомниться во всех своих знаниях о том, что значит быть мужчиной. Заставила его быть лучше, быть достойным ее, каким никогда ни для кого не был. Его голос был таким глухим, что он не мог говорить. Вместо этого, он поцеловал ее. Этим поцелуем он говорил ей, что даст все, что она хочет. Он будет любовником, в котором она нуждалась, и даже не подозревала об этом.

Он решил, как будет вести себя с ней этой ночью — медленно и терпеливо. Он будет управлять ею, но это все будет только для нее. Он научит ее расслабляться и покажет, какую

свободу можно ощутить, позволяя кому-то другому управлять собой. Он заслужит ее. И возможно, когда она опустит свою защиту, он сможет впустить и ее тоже.

Поцелуй Ноа был невероятным. Он пробудил ее тело в таких местах, о существовании которых она не знала. Больше чем что-либо другое это заставило ее хотеть двигаться дальше — сорвать с него одежду и опрокинуть на спину на кровать.

Но она себя контролировала, как бы это ни было трудно. Когда он оторвался от нее, она не могла не улыбнуться. Хотя это и было совершенно противоположное направление тому, куда она хотела двигаться, но она позволила ему вести, и это придало ей глупой гордости к себе.

Он отступил на шаг от нее и издал свою первую команду.

— Снимай платье.

Низкий и уверенный голос Ноа мог быть таким эротичным, что от него пробегали мурашки вдоль позвоночника. То, как он смотрел на нее, то, как он оценивал ее, когда она завела руки за спину и расстегнула платье, как расширились его глаза, когда она спустила одну лямку с плеча, затем другую, позволяя одежде упасть на пол и растечься лужицей у ее ног — это возбудило ее так же, как если бы он уже подводил ее к оргазму.

Обычно она быстро сбрасывала одежду и переходила непосредственно к процессу. Она понятия не имела, что простое раздевание для мужчины может быть таким горячим. Она была без бюстгалтера, поэтому, медленно сканируя ее тело, он задержался на изгибах ее груди, заставляя соски затвердеть в ожидании внимания. Его взгляд был таким отяжелевшим, что ей пришлось приложить все усилия, чтобы не скрестить руки на груди в попытке прикрыться. Будто он касался ее взглядом, будто перышком его пальцы гладили ее кожу.

Представь, что будет, если он притронется к тебе там...

Или где бы он ни коснулся ее, потому что он мог бы и не прикоснуться именно там, но она должна доверять ему, так как если он и не сделает этого, это все только к лучшему. А она доверяла ему, на удивление. Если бы это было не так, ее бы здесь не было.

— Красавица Джей, — Ноа оценил ее, посылая волны мурашек по рукам. — Я ценю что ты не пытаешься прикрыться.

Еще одна вспышка гордости пронзила ее. Придирчивый голос в глубине ее сознания говорил, что она смешна. Ей не нужна была его оценка, чтобы знать, что она выглядит хорошо. И ей, конечно же, не требовалось его разрешение, чтобы решить, как стоять перед ним.

Но этот голос был неправ. Не потому что ей необходимо было его разрешение или оценка, а потому что она хотела и того и другого, и именно поэтому она стояла здесь перед ним. Это не уменьшало ее силы, как женщины. Не так ли?

Если и так, она не будет думать об этом сейчас. Сейчас она следовала за Ноа, который вел ее к комоду у изножья кровати. Он сел и повернул ее так, чтобы она встала на колени спиной к нему. Это было немного странно. Пока он не начал массажировать ей голову. Теперь это было странно. И таинственно.

— О, боже, — простонала она, когда его пальцы массировали ей затылок, посылая электрические заряды вниз по спине и позвоночнику. Ее первым инстинктом было зажаться,

но она сделала медленный выдох и подалась к его сильным рукам.

Ноа наклонился и провел губами по ее плечу.

— Именно. Расслабься. Наслаждайся этим. Наслаждайся мной.

Его руки двигались вниз к мышцам спины, потирая их с таким давлением, что это было практически невозможно вынести. Вместо того чтобы отодвинуться, она успокаивала себя глубоким дыханием, расслабляясь от его прикосновений. Вскоре она отпустила тревогу, а напряжение осталось далеко позади. Ноа переместил руки к ее груди и начал ее массировать. Совершенно другой вид напряжения начал зарождаться — сексуальное напряжение, о котором она как-то забыла, пока он заботился о ней. Это было волнующе — как он мог предугадать, что она будет чувствовать и корда, — но вместе с волнением было и предвкушение, которое пронизывало ее устойчивыми импульсами. Она задавалась вопросом: что дальше? Она уже была уверена, что это будет лучший секс в ее жизни, а Ноа все еще был полностью одет.

Ноа резко оборвал их физический контакт.

— Встань и развернись ко мне. — Джей сделала так, как он сказал, ни на секунду не задумываясь, сразу же соскучившись по теплу его прикосновения, но с нетерпением желая увидеть, что он запланировал. — Раздень меня.

Она думала, он никогда не скажет сделать это. Взявшись за ворот его футболки, она потянула ее вверх через голову. И замерла при виде его груди. Он был худым, но крепким и подтянутым. Она жаждала проследить все впадины и выпуклости его скульптурных мышц, и ее рука потянулась, чтобы сделать это, пока не вспомнила правило: никаких прикосновений без разрешения. Хотя она могла спросить, и так и сделала.

— Еще нет. — Его отказ застал ее врасплох. Что заставило хотеть прикоснуться к нему еще больше.

Но, как бы ни хотела рассердиться, она подчинилась.

— Теперь мои штаны.

Она занялась его молнией и застежкой и была благодарна, когда он встал, не заставляя ее просить, чтобы она смогла стянуть его штаны, оставаясь в одних боксерах. Он вышагнул из штанов и отбросил их в сторону. Теперь была ее очередь изучать его, ее взгляд остановился на внушительной выпуклости в области промежности. Несмотря на его комплекцию, она видела, что его размер был впечатляющим. Она облизала губы в надежде, что он прикажет ей встать на колени снова, в этот раз, чтобы взять его в рот, как в том эротическом романе, который она читала в «Книжном уголке». Она даже надеялась, что он наградит ее словами: «Хорошая девочка».

Боже, это было тем, о чем она никогда не думала, что захочет? Пожалеет ли она об этом позднее? Она не хотела. Более того, сейчас она об этом не жалела. Тем не менее, будет жалеть о том, что не погладила его. Он же не будет возражать против крошечной ласки, не так ли?

Прежде чем подумать об этом, она взяла в руку его стержень. Он дернулся в ее руке, и Ноа шлепнул ее.

— Эй. Я сказал никаких прикосновений. Я собирался позволить тебе закончить раздевать меня, но так как ты ослушалась, придется подождать. Прикоснись ко мне снова, и будут последствия.

— Какие последствия? — Она не хотела, чтобы это прозвучало так вызывающе. Или хотела. На самом деле, идея неизвестных последствий каким-то образом подбадривала.

— Это не твоя забота. — Он развернул ее так, чтобы иметь возможность положить на спину на кровать, продолжая говорить: — Но, может, стоит тебя связать, в конце концов.

Если ее ноги до сих пор не превратились в желе, то теперь они такими стали. Мысль о том, чтобы быть связанной и управляемой Ноа...

Боже мой, какой же феминисткой она была?

— Прекрати думать, — сказал он, раздвигая ее ноги в стороны. — Я слышу, как крутятся колесики у тебя в голове. А я тебе не разрешал.

— Ладно. — Было легче сказать, чем сделать. Но она приложила усилие, чтобы сконцентрироваться исключительно на руках Ноа, которые освобождали ее от трусиков. После этого, ей не потребовалось много усилий, чтобы прекратить думать. Ноа опустил лицо между ее бедрами, а ртом накрыл клитор, и каждое движение его языка отбрасывало каждую мысль, прежде чем она успевала формироваться.

— Да. Да! — Черт, он был хорош, посасывая и потягивая ее чувствительный бутон, посылая Джей все выше и выше. Он нещадно упивался ею. Когда она приблизилась к краю, ее руки метнулись к его волосам, нуждаясь ухватиться за что-то.

Она сразу же поняла свою ошибку. Ноа остановил свою божественную атаку и посмотрел ей в глаза.

Она отпустила его.

— Прости. Пожалуйста, не останавливайся. Я не хотела. Я буду вести себя лучше.

Она умоляла его. Умоляла его! Но она была уже так близко и нуждалась в нем, и первобытное желание, которое заставило ее умолять, будет только хуже, если он не вернется к выполнению своего задания.

Он размышлял.

— Мне нужно связать тебя?

— Нет. Я буду хорошей. — Хотя связывание звучало горячо. Она бы согласилась с этим. Но не сейчас, она не хотела упустить момент, который он создал. — Пожалуйста, продолжай.

— Скажи это. — Его глаза загорелись, встретившись с ее взглядом. — Скажи, чего ты хочешь.

— Я хочу, чтобы ты заставил меня кончить. Пожалуйста. — Сказать было легче, чем она думала. Говоря это, она освободилась, это было сексуально. Она хотела сказать это снова, поэтому так и сделала: — Заставь меня кончить, Ноа.

И он так и сделал. Своим ртом и пальцами, он отправил ее по спирали в потрясающий оргазм. Она ухватилась за простыни под собой, пока ноги дрожали, а бедра выгибались, и Джей потерялась в кульминации.

Ноа все еще продолжал лизать ее, когда она начала спускаться с высоты, на которую он ее отправил. Она начала привставать.

— Моя очередь. — Она подумала об этом секунду. — Или твоя очередь. — Как бы это ни говорилось, она имела в виду свой рот на нем. Сейчас же.

Тем не менее, у Ноа были иные планы. Он положил ладонь ей на грудь и толкнул снова на кровать.

— Я говорю, когда чья очередь. Не ты. — Он дотронулся большим пальцем до чувствительного клитора, выводя на нем круги опытным надавливанием.

— Но... — Не только потому, что она верила во взаимный обмен ласками — равные права для всех, — но Джейлин была уверена, что не сможет выдержать больше внимания,

которое он ей уделяет. Она нуждалась — ну, она так думала, что нуждалась в перерыве, но он не собирался ей давать ни малейшей поблажки.

— Ты не можешь соблюдать правила? — Он вызывающе поднял бровь, но не прекратил своей атаки.

Джей терзалась. Это было слишком. Чувственная перегрузка. Но как бы ни мучилась в данный момент, она не хотела отвечать «нет». Более того, она вообще ничего не хотела отвечать. Она просто хотела отпустить контроль и позволить решать все кому-то другому. Поэтому ничего не сказала. И не остановила его. Вместо этого, она откинула голову назад и позволила Ноа решать. Он решил, что ей пора получить удовольствие. Следующий оргазм обрушился на нее сильнее, чем первый, пронизывая все тело спазмами, которые захватили ее в плен и заставляли парить одновременно.

Она все еще летала, когда Ноа встал и снял боксеры. Затем натянул презерватив и проскользнул в нее. Они застонали вместе, когда он вышел до самого кончика, а затем вошел снова. Медленными, томными толчками он входил и выходил из нее, заставляя сходить с ума. Она хотела, чтобы он ускорился, вбивался в нее с неистовством, которое зарождалось в ней снова. Уже.

Она подалась ему навстречу, побуждая двигаться быстрее.

— Продолжай так делать, и я буду еще медленнее. — Его лицо было напряжено, и она поняла, какие усилия он прикладывал, чтобы сдерживаться.

— Ноа...

Если они оба этого хотели, почему он так сильно старался обуздать себя? Она хотела больше его, хотела, чтобы он чувствовал то же самое, что и она.

— Просто... — Он прижался лбом к ее лбу и зажмурил глаза. — Доверься мне. Ладно?

Он просил снова и снова своими действиями и словами, хотя она и говорила, что доверяет ему, но все еще продолжала бороться. Этот урок нужно выучить. Почему ей так трудно оставить учительский склад ума в стороне и стать ученицей? Пока превосходство Ноа только превзошло ожидания. Когда она отпустила контроль, он отправил ее в такие места, о существовании которых она и не знала. Поэтому она сделала еще один глубокий вдох, а когда выдохнула, вместе с воздухом выпустила все: сомнения, страхи, опасения.

И позволила себе на самом деле довериться ему.

— Ладно.

Он поцеловал ее, врываясь в ее рот языком в таком же ленивом темпе, как и толкался в ее податливое тело своим членом. Они продолжали в том же духе — спокойно, неторопливо. Каждый шаг их горизонтального танго приближал ее к еще одному оргазму, напряжение расплзлось так тихо, предвкушение зарождалось постепенно, что когда она была уже на грани, то отчаянно желала освобождения.

Ноа хорошо читал знаки ее тела, казалось, он чувствовал, когда она подходила к краю.

— Притронься ко мне, — потребовал он.

Ее руки метнулись к нему, скользя по плоской груди ладонями и кончиками пальцев вниз к тугим мышцам спины. Затем, когда она подумала, что не сможет больше сдерживаться, он сказал ей держаться. Она обернула руки вокруг его шеи, и он ускорился, наконец-то вбиваясь в нее с такой силой и скоростью, которых она ждала. Это бросило ее через край пропасти. Она увидела вспышки в глазах, и все ее тело натянулось, как струна, кульминация поглотила ее, пока Ноа вколачивался в нее. Это был самый невероятный оргазм в ее жизни, пульсируя в ней с невероятной силой, полностью лишая возможности

дышать.

Ее так унесло, что она едва заметила, когда Ноа зарычал и достиг собственной кульминации. Следующее, что она поняла, он обнимает ее, поглаживая рукой щеку, пока ее сердцебиение возвращалось к нормальному ритму.

— Ты вернулась, — сказал он, когда она посмотрела ему в глаза.

Но он ошибался. Она не вернулась. По крайней мере, не к той версии, какой она была ранее. В ходе событий, ну, во время полового акта, все в ее природе поддалось сомнению и перевернулось с ног на голову. Теперь она не знала, как примирить себя нынешнюю с собой прежней. Более того, возможно ли это?

Глава 6

В такой ситуации только один выход. Джейлин обратилась к Интернету. Существовали ли еще такие же девушки, как она? Может, проходили какие-то встречи, которые она могла бы посетить, например, «Девушки «сверху», которые случайно оказались «снизу», и это им понравилось»? Или что-то в этом роде. «Домы и Феминистки, которых постыдно трахнули».

Ничего по таким запросам не находилось. По крайней мере, ничего, что имело предупреждение «только для взрослых». Черт побери! Почему ей нужно это искать? Ноа разрушал ее. Уже разрушил. И это наихудшее. Нет, наихудшим была ее удовлетворенность.

Почему она так наслаждалась своим низвержением? Ей нужно было прекратить носить майку с надписью: «Еву подставили». Становилось все более очевидно, каким заманчивым может быть соблазн. И забыть про первородный грех. Первородная вина даст ей под зад и выкинет из ее маленького счастливого Рая.

Это должно закончиться. Просто должно. Бесконечная цепочка событий, которая проигрываются у нее в голове, должна остановиться. И она определенно должна перестать возбуждаться и волноваться снова и снова, думая об этом. Мысли, что это все должно закончиться, имели бы больше смысла до того, как она пошла к Ноа и наслаждалась многочисленными оргазмами.

Наконец она нашла обсуждение на сайте Reddit, посвященное феминистическому порно, и погрузилась в чтение. Комментарии разделились относительно того, что же на самом деле означал термин «феминистическое порно». Одни верили, что оно должно быть исполнено женщинами и для женщин, чтобы свести на нет любую эксплуатацию. Другие просто думали, что женщины, ответственные за свою сексуальность, и есть феминистки. Парочка таких пользователей отождествляли себя с порнозвездами.

Джей откинулась на стуле и задумалась. Если порнозвезды, женщины, которые исполняют половой акт на камеру за деньги, все еще могут считаться феминистками, ответственными за свою сексуальность, тогда почему она должна это отрицать?

Расстроившись, она хлопнула крышкой компьютера.

Почему ни у кого другого не было таких проблем? Сейчас значительная часть женского населения считает себя феминистками, согласно исследованиям на ее любимых сайтах. Судя по успеху тех отвратительных книг, о которых она спорила с Ноа, население должно частично совпадать, по крайней мере, минимально. Так те женщины, которые покупают эти книги, они не интересуются движением? Или она что-то упускала, какой-то секретный пункт в «Женском Кодексе»?

Ей было интересно, насколько благоразумно предложить это в качестве особой темы на следующей встрече «Отныне абсолютно равны». Но как это сделать, не отождествляя себя с виноватой стороной? Может, она могла бы притвориться, что это вопрос подруги. Может, ей стоит шантажировать Лейси, чтобы она задала этот вопрос.

У нее не было компромата на Лейси, и ей все еще нужно было признаться в том, что она сделала. Джей выглянула в окно, глядя на суетливую улицу. Жизнь была намного проще на прошлой неделе. Как вид из окна может оставаться неизменным, когда все остальное стало ненадежным и сомнительным?

Ну, это было глупо. Она мысленно наказала себя за то, что присоединилась к кучке заезженных клише. Если бы она прочитала такое в работе ученика, она бы снизила оценку за неоригинальность. Вздохнув, она задумалась, есть ли в доме готовые продукты. Затем подумала, что было бы, если бы ее феминизм не прятал ее за отказом учиться готовить. Затем она решила, что ей плевать. Когда она развернулась, чтобы посмотреть на содержимое холодильника, что-то на улице привлекло ее внимание.

Ноа.

Ноа махал рукой блондинке на каблуках возле ее дома. Она, наверное, заблудилась. О, как мило. Вероятно, он собирался ей рассказать, куда следовать дальше, но запутал ее еще больше.

Но это было совсем не то, так как она перекинула волосы с плеча на спину, она точно флиртowała, когда положила руку ему на плечо, а он улыбнулся ей в ответ. О, боже, у Ноа была девушка, которая старше его?? Джей отпрыгнула от окна с бешено стучащим сердцем.

Спустя две с половиной минуты ее лицо снова прилипло к прохладному стеклу. Блондинка что-то вытащила из сумочки и огляделась. Ноа потащил ее к углу дома. Подальше от любопытных глаз. Ну, да! Окно спальни Джей выходило как раз на тот угол.

Она понеслась в свою комнату. К сожалению, она не приняла во внимание кухонный стул, который попался на ее пути. Драгоценные секунды были потрачены впустую, поднимая себя и стул с пола и громко ругаясь, пока молилась, чтобы ничего не было сломано.

К тому времени, как она добралась до окна спальни, блондинка уже уходила. Проклятье! Она все пропустила, чем бы это ни было. Затем женщина повернулась, все еще засовывая что-то в свою, очевидно, очень дорогую сумочку, и послала Ноа воздушный поцелуй. Когда рот Джей открылся от удивления, он послал ей воздушный поцелуй в ответ.

Что. За. Черт. Она размышляла над вариантами, пока наблюдала, прищурив глаза, как Ноа плетется к своему дому. Какой-то обмен явно имел место быть. Не только обмен номерами — это можно было сделать и на улице. Это было что-то нелегальное. Что-то, чего другие не должны были видеть.

Так много всяких событий происходило в их районе. Как истории, заголовки которых она видела в газетах. События, которые определенно не могут быть правдой относительно великолепного, умного, запутанного Ноа. Он не мог быть наркодилером, не так ли? Но что тогда? И кто сказал, что наркодилеры не могут быть великолепными, умными и такими трудными для понимания? Хотя они все, вероятно, были трудными для понимания.

Может, он делал это просто, чтобы выплатить студенческий заем. Может, он выплачивал игорный долг. А может, это был шантаж. Или семейный бизнес, что-то, от чего он хотел избавиться, но не знал как.

Или, может... может, она сходит с ума. Может, все было абсолютно невинно. Может, ей

нужно пойти и спросить его об этом, вместо того чтобы приходиться к безумным заключениям. Она не была Блейком Донованом. Чем больше времени проходило с того момента, как она увидела их, тем более смешными казались ей предположения. Она поздравила себя с тем, что растет как личность, вместо того, чтобы действовать необдуманно.

Если не считать того, что она позволила идее пойти и спросить его укорениться в ее голове. А затем она подумала о необдуманных поступках, что напомнило ей о том, чего Ноа никогда не делал.

И следующее, что она знала, она была в ванной, убеждаясь, что ее потасовка со стулом не оставила видимых синяков, и полоща рот, прежде чем нанести помаду.

И затем она была у его двери. И затем он открыл ее без рубашки весь такой сексуальный, и затем она улыбнулась, и затем все ее разумные мысли куда-то испарились и все, о чем она могла думать, было: «А потом?»

Ноа никогда не приступит к работе. Но он не собирался жаловаться, потому что мысль о том, что он никогда не увидит Джей после их совместной ночи, была более досадной для него. И он волновался по этому поводу — после того, как пост-оргазмическое забвение пройдет, она будет менее увлечена идеей доминирования мужчины над ней.

Но вот и она. И, несмотря на то, что прошло всего полдня с их последней встречи, он вдруг так отчаянно захотел ее прикосновений, как и в первый вечер, когда они поцеловались. Он поманил ее пальцем и улыбнулся, чтобы она поняла, что хоть это и был приказ, это был сексуальный приказ. По слабой ухмылке, которую он получил в ответ, когда она переступила порог квартиры, казалось, приказ был воспринят правильно.

Она изогнула бровь, будто спрашивая «И что дальше?». Он сделал шаг назад, еще один, заманивая ее в свое логово. В гостиную. Он имел в виду гостиную. Они остановились, все еще молча глядя друг на друга. Он снова поманил ее пальцем. Ближе. Ближе. И затем, когда она была достаточно близко, он приказал ей встать на колени.

Он уже был твердым как скала, когда она покорно упала на колени. Она начала тянуться руками к ремню, прежде чем вспомнила, что надо попросить разрешения. Ноа кивнул, одобряя и, не отводя от нее взгляда, пока она умело расстегнула ремень и медленно вытащила его одной рукой, петелька за петелькой, пока другой скользила вверх по его бедру. Боже, она выглядела прекрасно в таком положении. Хотя, ему говорили, что он тоже хорошо выглядит в таком положении. Она. Прошлой ночью. Воспоминания о том, как он дал ей все, в чем она нуждалась, пока не начала выкрикивать его имя, заставили его член пульсировать в предвкушении.

Она заметила. И замедлилась еще сильнее, избавляя его от штанов. Он захотел сделать ей выговор, но поменяться ролями было справедливо, подумал он. Это было практически то же самое, что он сделал с ней. Маленькая покорная феминистка. Она побеждала в его собственной игре, позволяя ему «быть главным», пока сама управляла шоу. Ему захотелось смеяться.

Ну, он бы так и сделал, если бы ее пальцы не освобождали член, а затем аккуратно поглаживали его длину, задерживаясь у головки и лаская ее. Поэтому ему удалось лишь хватать ртом воздух.

— Можно? Можно прикасаться к тебе? — пробубнила она, так близко, что он мог почувствовать ее мягкое дыхание на своей самой чувствительной части тела.

— Хочу, чтобы ты трогала и себя тоже, — приказал он. Она округлила глаза. Он не собирался позволять ей быть главной все время, в конце концов. Но она знала, что не нужно спорить, и ее глаза округлились снова, когда она потянулась неуверенной рукой под джинсовую юбку. — Хорошая девочка, — сказал он на выдохе, так тихо, что не знал, расслышала ли она. Если нет, то это к лучшему, вероятно.

Затем ее язык оказался на нем, и его больше не волновало, что она слышит, так как сам не был уверен в том, что говорил. Она облизывала его сверху вниз и обратно, поочередно то всей плоскостью языка, то легко ударяя кончиком по головке.

Когда она, наконец, взяла его в рот, это было почти освобождением. На протяжении приблизительно трех секунд, пока он не понял, что она не остановится. Он запустил руки в ее короткие волосы, замедляя ее движения и оттягивая ее назад.

— Зачем, Джейлин. Ты пытаешься закончить все еще до того, как это начнется? — спросил он нежно. Она все еще держала его во рту, когда ответила:

— Угу. — Вибрация послала ударные волны сквозь его тело, и он быстро отстранился. Он уже почти кончил, а еще даже не прикасался к ней. Она была девушкой, с которой нужно считаться, это однозначно. Его состояние менялось от увлеченного к захваченному врасплох и обратно. Они все еще смотрели в глаза друг другу, когда она облизала губы. Хорошая девочка? Нет. Она была очень, очень плохой. А каждой плохой девочке нужно указать на ее место.

Он протянул руку, чтобы поднять ее. Она потянулась к нему, но он покачал головой. Джейлин вытащила другую руку из-под юбки и протянула ему, он взял ее в рот. Один за другим он облизывал каждый ее пальчик. Он наблюдал, как она задрожала и закрыла глаза, наконец, разрывая зрительный контакт.

Так не пойдет. Ноа хотел наблюдать за ней, видеть ее реакцию на каждую вещь, которую он с ней делает. Он хотел изучить ее вдоль и поперек. Небольшое давление его зубов у основания среднего пальца заставило ее снова открыть глаза.

— Хорошая девочка. — В этот раз он хотел, чтобы она услышала. Он хотел, чтобы она услышала тот глубокий тон, которым он сказал это; чтобы поняла, наконец, что заводит его как никто другой, что он находит ее женственной.

Между ними все еще было расстояние меньше чем полметра. В тот момент оно ощущалось размером с футбольное поле. Он сделал шаг вперед, сокращая его. Потянул ее за руку, позволяя обнять себя. Затем, наконец, наклонился и страстно поцеловал ее. Страсть, с которой она ответила ему, была невыносимой, ее пальцы сжали его талию, а затем двинулись вверх, к плечам. Хоть сейчас он и был прижат к ней, а не находился внутри нее, существовала определенная степень опасности, что он не сможет удержаться и не закончить все раньше времени из-за своих мыслей и ее близости.

Поэтому, когда она проводила руками по его груди, ему почти пришлось пригвоздить их своей рукой. Они были такими маленькими, но умелыми. Он не мог отпустить их, не потеряв контроль над собой. Вместо этого, он ухватил их одной рукой и поднял высоко над ее головой.

Ее вдох сигнализировал об удовольствии. Итак. Теперь он мог быть тем, кем хотел, не думая дважды. Если этот неровный вздох не сделал этого, то ее выгнутая спина предоставила ему лучший доступ.

— Хорошая девочка, — прорычал он снова, подталкивая ее в сторону дивана. Ему надоело переживать по поводу своей тусклой квартиры со всеми теми красками, которые она привнесла в нее. Может, серый фон просто акцентировал многоцветие их фейерверков. Неважно, потому что он не собирался останавливаться сейчас. Он подтолкнул Джей коленом, заваливая на подушки и удерживая левой рукой.

Другой рукой разорвал ее майку. На самом деле разорвал, что заставило его сдержать улыбку — за все годы, что он был любовником-доминантом, такое было впервые. Впервые он оказался неспособным больше ждать. Он протянул руку вниз и обнаружил, что она извивалась, пытаясь избавиться от юбки. Не сдерживаясь, он сжал в кулак переднюю часть ее шелковых трусиков и разорвал их тоже. Черт, он был золотым богом секса! Затем его пальцы нашли ее кружевной бюстгальтер, и потянули его.

Ничего. Он подождал секунду и потянул сильнее. Ничего. Еще одна попытка.

— Ай! — закричала она. Но тут же притворилась, будто так и было задумано, и шикнул ей. Доусон знали уже достаточно, нет необходимости привлекать их внимание к этому. Зная этих девушек, они будут ждать за дверью с бутылкой вина, чтобы взять интервью на выходе. Он заглушил ее протест поцелуями и снял бюстгальтер традиционным способом.

Когда она была обнажена, все что он мог делать, — это рассматривать ее. Ему пришлось отпустить ее запястья, чтобы снять лифчик, и она воспользовалась случаем, чтобы пробежаться вниз по его рукам, когда бюстгальтер сползал по ее собственным рукам. Быстрым движением он оказался внутри нее. Она вздохнула разочарованно, когда он остановился, полностью поглощенный, и не двигался. Он смотрел ей в глаза, ожидая ее реакции.

Джейлин начала двигать бедрами в попытке взять контроль на себя. Он устроился более решительно между ее ног, чтобы обездвигить ее. Когда она прекратила сопротивляться и улыбнулась ему, он начал медленно входить и выходить. Его руки нашли ее и их пальцы переплелись на подлокотнике дивана.

О, боже. Диван. Они все еще были на диване. Так не пойдет. Он обвил одну руку вокруг нее и медленно поднял с дивана. Это становилось его характерным движением. Может он, и правда, был золотым богом. Они медленно двигались в сторону спальни, все еще соединенные, все еще целующиеся.

Когда он нежно положил ее на кровать, ее тело все еще было достаточно расслаблено, что заставило его задуматься, может ли он подтолкнуть ее немного дальше. С прикроватной тумбочки он взял галстук, пережиток ненавистного рабочего дня. Джей смотрела на него, широко раскрыв глаза, когда поняла, что он собирался сделать, но не протестовала, когда он привязывал ее запястья к изголовью кровати. Он немного растаял от этого, зная, как много веры она вкладывала в него. Это заставляло его хотеть быть достойным.

Как только ее руки были закреплены, он двинулся к груди. Взяв один тугий сосок в рот, он перекачивал его языком, пока она не закричала. Затем перешел к другой груди и сделал то же самое. Медленно он прокладывал поцелуями путь на юг. Ее стоны становились все громче, давая ему понять, что она не сожалеет о его плане. Ноа наслаждался этой мыслью, так же как и ее вкусом, так как он находился уже именно там, где страстно желал очутиться, обеспечивая ее удовольствие длинными поглаживаниями языка.

Он повторял то, что она проделывала с ним, сначала накрыв всю ее одним движением, затем сконцентрировал свое внимание на сладком местечке маленькими стремительными движениями. Спустя мгновение она кончила для него.

Пока она лежала, хватая ртом воздух, он поднялся и вошел в нее. Оргазм сделал ее туже, чем когда-либо, и он еле сдерживался, чтобы не кончить самому. Она хоть понимала, какое влияние имеет на него? Он расскажет ей. Сразу после этого. Его тело начало вибрировать, и он входил и выходил из нее. Сначала она просто дышала, но вскоре он мог сказать по движению ее бедер, что новая волна удовольствия зарождается в ней.

Прелесть положения, в котором находилась Джей, заключалась в том, что хоть она и не могла касаться его, она могла свободно выражать себя другими способами. Когда она брыкалась, это было сексуальнее, чем просто рука на его спине. Когда она боролась, это говорило ему о том, что она хочет его больше, чем может выдержать.

Это было так чертовски горячо.

Слава богу, она явно была готова кончить снова, потому что он оттягивал это слишком долго. Он ускорился, двигаясь жестче и глубже, подстраиваясь под ее неуловимые сигналы. Наблюдая, как подпрыгивает ее грудь с каждым движением, он заводился еще больше. Когда ее крики достигли новых высот, он кончил, содрогаясь, что подтолкнуло и ее к оргазму.

Ноа рухнул на нее всем телом. Как такое могло произойти? Как он мог так увлечься девушкой, которую едва знал, после того как так долго отталкивал всех?

Но он знал. Не существовало судьбы. И эта удивительная, интересная женщина была здесь по определенной причине. Как только проснулся его внутренний философ, она прочистила горло.

— Эм, Ноа? — Он застонал ей в шею и одновременно потерял носом.

— Да? — Она, вероятно, хотела, чтобы он развязал ее. Как бы сильно он ни хотел удерживать ее здесь до следующего Рождества, это было справедливо. Он потянулся и начал развязывать мягкие узлы.

— Кто была та женщина, с которой ты разговаривал час назад?

Ну, это было не то, что он ожидал. Совершенно не то. И у него не было ответа. Та женщина была влюблена в него. Множество людей были влюблены в него. Это не было по-настоящему, это ничего не значило. Но как рассказать это девушке? Он ощущал явную опасность.

— С работы. Ей нужна была моя подпись на кое-каких бумагах. Ничего значительного. Я работаю с очень крутыми людьми. Они бы тебе понравились.

— Мне бы понравилось знать много чего, — сказала Джей многозначительно. У него не было другого выхода, как опять обратить свое внимание на нее, пока она не забудет обо всем, кроме его имени, которое будет выкрикивать.

Глава 7

С закрытыми глазами Джейлин вытянула руки над головой, потянувшись пальчиками ног и зевнула. Боже, у нее болели мышцы, о существовании которых она даже не подозревала.

Сладкая боль напоминала о предыдущей ночи при каждом повороте тела.

Думая о предыдущей ночи...

Она на самом деле сделала то, что сделала? На самом деле позволила Ноа доминировать над собой? И ей на самом деле понравилась каждая долбаная минута?

Да, да и однозначно да.

Хоть было еще много всего, что она должна была обдумать у себя в голове, тело и душа

отвечали ее любовнику, будто он был единственным мужчиной, который предназначен ей. Поэтому легко ли было приспособить свои только что открытые интересы к своей жесткой системе верований или нет, ей придется найти способ сделать это. Насколько она была уверена в праве женщин на равенство, настолько она была уверена, что ее женственность укреплялась, когда она находилась в руках Ноа Гаррисона.

И думая о Ноа... его руках...

Она открыла глаза и посмотрела на пустую кровать рядом с собой. Его не было, что было немного удивительно, но в смятых простынях, где он спал, она нашла сложенный листок белой печатной бумаги. Развернула его и прочитала записку:

Джей.

Пошел искать продукты для завтрака. Не двигайся.

Ноа.

P.S. Под «не двигайся» я имею в виду не двигайся. Мне бы не хотелось становиться командиром, когда мы не в постели. Хотя ты все еще в постели... поэтому не двигайся.

Он даже нарисовал смайлик в конце, что заставило ее улыбаться от уха до уха. Но, как бы она не хотела подчиниться, ей нужно было в туалет. Поэтому «не двигаться» — не вариант.

После того как воспользовалась крошечной ванной и немного привела себя в порядок после бурной ночи, Джей осмотрелась в поисках чего-то, что можно было бы накинуть на себя. Ноа, вероятно, ожидает, что она дождет его обнаженной, но само это ожидание заставляло ее сделать абсолютно противоположное. Она не изменила свою личность полностью, в конце концов. Акт неповиновения ощущался таким привычным как пара изношенных беговых кроссовок.

Не чувствуя себя достаточно комфортно, чтобы рыться в ящиках его комода, она открыла кладовку в спальне Ноа в надежде найти халат или рубашку. Нашла футболку, брошенную поверх коробки. Она даже пахла им. Идеально.

Она надела ее через голову, глубоко вдыхая, когда ткань скользила по ее носу. Футболка сидела на ней хорошо, прикрывая до верхней части бедра. Она выглядела в ней сексуально, так она сказала сама себе. Если Ноа будет ей недоволен, ему просто придется снять ее.

Прежде чем закрыть дверь шкафа, ее взгляд привлекла коробка, которая была спрятана под футболкой. Она была полуоткрыта, а внутри находились бруски, завернутые в коричневую бумагу. Несколько из них. Что за...

Хоть это было полностью в ее характере продолжить искать, она не хотела разрушить свои многообещающие отношения. Но завернутые в коричневую бумагу бруски? В этом было что-то из криминального романа. Типа, разве наркочиллеры не заворачивают так кокаин? И разве в их районе не возросло количество преступлений, связанных с наркотиками? И Ноа все еще не рассказал ей, чем зарабатывает на жизнь...

О, боже. О, боже. О, боже.

Ноа был... был... она даже не могла думать о концовке предложения. Да, она могла. Она должна. Наркочиллер. Была ли профессия Ноа Гаррисона такой секретной из-за того, что была незаконной?

Она вздрогнула. У нее не было выбора, она должна была посмотреть. Джейлин аккуратно приоткрыла коробку и засунула туда руку. Взяв сверток в руку, она поняла, что он

был менее твердым, чем она представляла себе, как будет ощущаться сверток с кокаином, и больше похож на... ну, книгу в мягкой обложке, возможно. Что было почти так же странно. Кто держит коробку с книгами, завернутыми в коричневую бумагу у себя в кладовой?

Или, может, она просто не знала, как ощущается пакет с нелегальным веществом. Или что если ее прошлое предположение было верным и это было порно? О, боже, о, боже! Что если он записывал на видео девушек, которых приводил домой, и она тоже скоро «пойдет в народ»? О, боже!

Не было времени анализировать все это, так как в этот момент входная дверь в другой комнате открылась. Ноа вернулся, и Джей рисковала быть застигнутой врасплох. Врасплох с тем, что все еще оставалось загадкой, которую она не желала оставлять без ответа. Поэтому, импульсивно, она закрыла кладовую и быстро засунула сверток в свою сумочку, которую оставила у прикроватной тумбочки. Она легла в кровать, как только Ноа вошел в комнату с салфетками и двумя свертками фольги.

Были ли то наркотики? Во что она себя втянула?

— Надеюсь, тебе нравятся буррито на завтрак. — Ноа устроился рядом с ней, подмигнув.

Буррито на завтрак. Конечно. Она практически рассмеялась от своих сумасшедших предположений. Свертки в кладовой не были брусками кокаина. Ноа не был дилером. И не был любителем-порнографистом. Она была смешна и теперь, когда у нее была минута, чтобы подумать об этом, она почувствовала вину за украденный брусок в ее сумке. Но не настолько виноватой, чтобы сказать, что она не откроет его и выяснит, что это, как только появится возможность, но, тем не менее, чувствовала себя раскаивающейся, и, к сожалению, для Джейлин, ей никогда не удавалось строить хорошую гримасу при плохой игре.

Ноа приподнял бровь.

— Ты выглядишь виноватой. И могу поспорить, я знаю почему.

Нет, нет. Не может быть, чтобы он знал причину. Или, может? Была ли там скрытая камера? Наркодиллеры, вероятно, не жалеют денег на такие вещи, даже если он был не виновен по обвинению в распространении порнографии.

Но прежде, чем она продолжила волноваться, он сказал:

— Ты двигалась.

— Что?

— Ты двигалась. Я сказал тебе не двигаться. Ты не нашла мою записку?

Облегчение нахлынуло на нее.

— Да, я нашла твою записку. Но мне нужно было в туалет.

Ноа развернул буррито и протянул ей.

— А поход в туалет требовал одежды?

Она взяла у него буррито, решив, что это был жест доброты, нежели рыцарства, и, поднесла его ко рту.

— Может, я хотела быть немного... непослушной.

— Хм. — Ноа изучал ее с довольным блеском в глазах.

— Думаю, после завтрака последует наказание.

Бабочки в предвкушении запорхали у нее в животе. Он не услышит жалоб от нее. Кем бы он ни был, она собиралась наслаждаться каждым моментом, прежде чем выяснит это.

Лейси подкидывала сверток на ладони, затем понюхала, прежде чем бросить его обратно Джейлин.

— Это не наркотики.

Джей поймала сверток в коричневой бумаге, который конфисковала у Ноа, и положила его на колени.

— Как ты можешь быть так уверена?

— Потому что я уверена, — сказала Лейси окончательно, отклоняясь назад в кресле.

— Я тоже не думаю, что это наркотики, — вмешалась Энди. — Он был бы тяжелее. И имел бы другую форму. Это похоже на книгу.

Джейлин надула губы. Она провела большую часть дня с Ноа, разговаривая и занимаясь сексом. Затем, когда он вежливо отверг ее, чтобы выполнить кое-какую работу, она снова попыталась выяснить, в чем конкретно заключается его работа. Как всегда, он был уклончив. Она ушла расстроенной и без ответов. По какой-то сумасшедшей причине она думала, что сверток, который ukrала, приведет ее к разгадке секретов Ноа. Но вместо того, чтобы делать выводы — как часто склонна была поступать — она решила, что может воспользоваться интуицией некоторых своих подруг. Доусон были ближайшими из подруг, которые у нее были, как в смысле физической близости, так и в смысле отношений.

Джей рассказывала им не очень немного. Она сказала, что встречается с новым соседом, что нашла этот сверток у него в кладовой, и он вел себя подозрительно, когда упоминалось о его работе. Она поделилась своими предположениями, что Ноа тайно может заниматься распространением наркотиков.

Лейси закатила глаза на это, еще даже не исследовав сверток. Теперь она сказала:

— Так как ты уже знаешь, что это не наркотики, ты можешь тайком положить сверток обратно в коробку, где и нашла, и он никогда не узнает.

Энди, которая стояла за стулом Лейси, вздохнула.

— Не открыв его? Ни в коем случае.

Лейси повернула голову к сестре:

— Это и приводит тебя к неприятностям, Энди. У тебя отсутствует чувство нравственности.

— Знаешь что? — Энди подошла к дивану и села рядом с Джей. — Я сижу здесь. Джейлин понимает меня. Правда, Джейлин? — Она похлопала Джей по колену.

— Ну... — После неудачи с Блейком Донованом, Джейлин была вовсе не против использовать Энди. Она избегала этого разговора, сконцентрировавшись на свертке у себя на коленях. — Я не хочу открывать. Я имею в виду, если это не наркотики, что в этом плохого? И я знаю, что он что-то скрывает от меня. Если он не собирается говорить мне об этом, какой у меня выход?

— Именно об этом я и говорю. — Энди развернулась так, чтобы быть лицом к Джей, глядя на нее так внимательно, как ребенок наблюдает за кем-то, кто открывает рождественский подарок.

— Ты плохая, плохая женщина. — Лейси неодобрительно покачала головой, но так же с любопытством заглядывала.

Энди подмигнула, подбадривая.

— Плохое — это новое хорошее. Давай, открой же.

Даже без подстегиваний подруг Джей знала, что не вернет просто сверток назад туда,

где нашла его, не выяснив, что это. Она знала, что это неправильно и журила себя, когда проскользнула пальцем под прозрачную клейкую ленту и развернула коричневую бумагу.

Как они и догадывались, это была книга. Знакомая книга.

— «Просвещение женщин»? — Энди прочитала название вслух.

— Это книга. — Джей была более озадачена, чем до того, как открыла пакет.

— Мы видим, — сказала Энди.

— Нет, это не какая-то книга; это именно та книга. — Это не была та же самая книга.

Та, которая, вроде как, вдохновила ее на шалости накануне вечером, не то, чтобы она собиралась признаться в этом. Это была меньшая версия той книги, как та, которую можно купить в продуктовом магазине. Но это была та же самая книга. — Мы вроде как поспорили из-за нее на днях. Это эротический роман. Знаете, где герой весь такой альфа-самец, а героиня покорная и плаксивая и... Ну. — Обычное отношение Джей к низкому положению женщин в этих романах должно быть пересмотрено после последних событий в спальне. И/или гостиной.

— Она не плаксивая, — вмешалась Лейси. — Она так же не покорная, на самом деле. Это просто ее роль, которую мистер Холидей дал ей на занятиях сексуальных исследований. На самом деле, он больше... — Лейси остановилась, встретив шокированный взгляд сестры. — Что? Я читала ее. Очевидно, мистер Сексуальный-без-работы тоже. А ты не читала Энди?

Как бы ни было интересно узнать, что Лейси, которая поддерживает равноправие полов, читала эту книгу, Джей была больше заинтересована причастностью Ноа.

— Но почему она у него? И почему она так упакована?

— Понятия не имею. Ты могла бы спросить у него. — Лейси склонилась вперед и строго посмотрела. — Тогда тебе придется признаться, что ты украла ее у него из кладовой.

Энди шикнула на сестру.

— Ты не помогаешь. Нам нужен план.

— Я не пытаюсь помочь, это смешно! Твои планы, как известно, идут наперекосяк, сестричка.

— Лейси, она ведет борьбу сама с собой здесь. От тебя требуется немного понимания.

— Ладно, — сказала Лейси фыркая. Она кивнула на книгу в руках Джей. — Это массовое издание в мягкой обложке. Не думаю, что оно уже в продаже. Давай посмотрим. — Она схватила свой iPad с кофейного столика и начала водить пальцем по экрану.

— Ты говорила, их там было больше? — спросила Энди.

— Целая коробка.

— Может, он раздает их в качестве подарков по какой-то причине. И они так упакованы, чтобы люди не испытывали смущение, получая эротический роман в подарок.

Разве Ноа не говорил то же самое? Он любил читать — он доказал это, — но это было странным, что он внимательно следил и интересовался таким специфичным жанром.

— Да, эта версия не появится в продаже до следующего месяца. А продолжение выйдет через пару месяцев после этого. — Лейси притянула планшет к груди. — Не могу дождаться. Н. Мэтью действительно художник слова.

— Художник слова? Писатель — мужчина? — Джей предполагала, что писатель — женщина. Она даже не представляла, что мужчины пишут эотику для женщин.

Лейси кивнула.

— Так говорится в биографии, по крайней мере. Он тоже живет в Бостоне.

— Он живет в Бостоне? — Слишком много совпадений. Джейлин начала видеть картинку шире. Она сглотнула, до конца не веря в то, что думала. — Знаешь, как он выглядит?

— Никогда не видела его. Обычно в его книгах нет фото. Может, онлайн...

Пока Лейси печатала на iPad, Джейлин листала книгу. Надпись в начале книги привлекла ее внимание, и она вернулась, чтобы найти ее. На первой странице аккуратными печатными буквами было написано: «Всего наилучшего», а затем подпись Н. Мэтью.

Аккуратные печатные буквы. Как почерк Ноа.

— Вот дерьмо. — Глаза Лейси были широко открыты, когда она взглянула поверх планшета.

Восклицание эхом отражало собственные мысли Джей. Потому что «вот дерьмо» — именно то, что она чувствовала в тот момент. Элементы головоломки идеально сошлись, но ей все еще нужно было подтверждение.

— Ты нашла фото, не так ли? Это Ноа, да?

Лейси ответила, развернув планшет так, чтобы Энди и Джей могли видеть. Это был он — его яркая улыбка, небрежная прическа, озорные глаза. Рядом с фотографией название статьи гласило: «Автор бестселлеров Н. Мэтью согласился дать редкое интервью».

Джей нужно было отвернуться. Она ущипнула себя за переносицу, закрыв глаза, пытаясь осмыслить открытие. Ноа был автором эротических романов. Ноа писал книги о сексе. Ноа писал книги обо всех вещах, против которых Джейлин боролась всю свою жизнь. Одно дело заниматься этим в спальне. И совсем другое продвигать это в массы.

Не так ли?

Боже, она уже даже не знала.

Энди заерзала на диване рядом с ней.

— Ну, это объясняет... все...

Да. И нет. Это не объясняет, почему Ноа не рассказал ей. Он просил ее доверять ему, а сам не мог доверять ей? Он, вероятно, предположил, что она не воспримет это должным образом, и был прав, но все-таки она заслуживала знать, прежде чем подарить ему свою веру. Прежде чем отдать ему свое сердце.

— По всей видимости, он вроде как отшельник. Он не часто проводит автограф-сессии или появляется на людях.

Джей открыла глаза и увидела, что Лейси читает статью. Она подтолкнула планшет к ней.

— Очевидно, он не хочет, чтобы люди знали, чем он занимается. Думаю, ему нравится уединение.

— Или ему стыдно, — сказала Джей на выдохе. Как и должно быть.

А может, и не должно.

Черт возьми, почему так тяжело справиться с этим? Лучше бы она выяснила, что он был наркоторговцем.

— Ты в порядке, Джейлин? — Лейси казалась искренне обеспокоенной.

А Джей искренне была не уверена.

— Я не уверена.

— Не понимаю, в чем проблема? Ну пишет он про секс... Это даже круто. Разве нет? Могу поспорить, что он хорош в постели.

Джейлин стрельнула пронзительным взглядом в Энди. Для кого-то, кто, как

предполагается, умеет читать людей, Энди, определенно, не преуспела в этом с ней. Более чем однажды.

— О, ты уже спала с ним! — Может, у Энди и была способность читать людей, в конце концов.

Ну, теперь нет причин отрицать.

— Да, я спала с ним. И он хорош в постели. Он великолепен в постели, на самом деле.

— Он доминант, как и пишет? — Лейси почти подпрыгивала на мечте. — Да?

— Да. — О, он такой. Ее тело все еще ощущало последствия их предыдущей ночи. —

Что и является частью проблемы.

— Каким образом это может быть проблемой? Все это ГОРЯЧО.

— Лейси, я феминистка!

— Я тоже! И что?

Джей откинулась на спинку дивана. Хоть Лейси и не была активисткой, она поддерживала движение, посвящая свое время и талант более чем одному мероприятию Джей. Фактически, Джей всегда думала, что они разделяют точку зрения на женщин и общество. А сейчас она выясняет, что Лейси читает эротические книги без тени смущения.

Так в чем была проблема Джей?

У нее не было ответа.

— Я не знаю в чем моя проблема, Лейси. Полагаю, это противоречит моим убеждениям. Я все еще пытаюсь преодолеть все эти вещи в спальне. Я не знаю, смогу ли принять еще и то, что он пишет. Я имею в виду, это все то, против чего я боролась ежедневно.

Лейси издала звук, который можно расценить только как насмешка.

— Ты боролась не против этого, Джей. Ты боролась за права женщин и за равноправие в мире, в котором мы живем. Ты работала, чтобы убедиться, что с нами обращаются хорошо и уважительно, а не пользуются. Эта книга не имеет ничего общего с этим. По правде говоря, как феминистке, я думаю, тебе следует уделить этому предмету больше внимания. Существует множество женщин, которые читают такие книги, фантазируют об этом, и так же много людей, которые думают, что это делает их слабыми и глупыми. Я слабая женщина? Я глупа? Потому что я так не думаю. И я люблю свои неприличные книги. И разве это не смешотворно, что мне не позволено читать их, не получая определенного осуждения? Разве не такими должны быть феминистки на самом деле? Расширять права женщин быть теми, кем мы хотим быть, а не тем, кем хотят нас видеть другие? Ну, это то, кем я хочу быть.

Глаза Джейлин были прикованы к книге, которую она все еще сжимала в руках. Она была слишком смущена, чтобы посмотреть куда-то еще. Лейси только что поставила ее на место и разве она этого не заслужила? И разве это не происходит все чаще и чаще за последние несколько дней?

Энди прочистила горло.

Лейси продолжила:

— Прости, если это было слишком грубо. Попытайся оправиться от моей зажигательной речи.

Джейлин покачала головой.

— Нет, она была идеальной. Мне нужно было услышать это. Ноа сказал то же самое, на самом деле. Видимо, нужно было повторить, чтобы это пробилось сквозь мою толстую кожу.

Лейси подобрала под себя ноги.

— Я впечатлена, что Ноа соглашается с этим. Это не одно и то же, так как он не женщина, но я все еще впечатлена.

Джей закусила губу, размышляя над следующим своим шагом. Ей нужно поговорить с Ноа. Нужно признаться, что она вынюхивала. Нужно признать его секрет.

— Это не единственная проблема, знаете ли. Он все еще не рассказал мне. Он, очевидно, думает, что я не смогу воспринять это.

Лейси улыбнулась, поддерживая ее.

— Но ты можешь. Хотя я понимаю, почему он так не думает. И ты тоже, не так ли? Ты готова?

Да, ладно. Она могла. Она сможет. Потому что Ноа был ей не безразличен, и, что более важно, она заботилась о себе. Ей нравилось, как Ноа обращался с ней в спальне. Откровенно говоря, это был тип физических отношений, к которым она стремилась. Почему она думала, что это противоречит движению и отрицала свои желания? И даже если так, какое ей дело?

Без разницы. Хватит думать. Она свернула на правильный путь сейчас, видя вещи такими, какие они есть. Теперь она просто должна убедить Ноа, что он может доверять ей так же, как она научилась доверять ему.

Глава 8

Ноа уставился в экран, просматривая последний абзац, который написал. Кажется, он использовал слово «член» дважды. Повторение. Его редактор будет недоволен. Существовало так много других слов для описания мужских гениталий, но так мало из них звучат сексуально. «Член» подойдет. Но «пенис»? «Ствол»? «Жезл любви»? Нет, определенно нет.

То же самое относится и к женской анатомии. «Клиитор» — практически единственное приемлемое слово. Когда бы он ни пытался воспользоваться эвфемизмами — «бутон», «коммок» — получалось что-то несуразное. По всей видимости, использование «неправильного» ярлыка приводило к потере звезды в онлайн-обзоре. Поэтому он разочаровывал как своего редактора, так и поклонников. В любом случае он проигрывал.

Он прочитал последние предложения еще раз: *«Мой член дернулся у ее входа. Я направил свой член в нее, погружаясь по самые яйца»*. Он закатил глаза от использования слова «вход», но, по крайней мере, он мог удалить второй «член» и просто сказать «Я вошел в нее». Он назвал это компромиссом и перешел к следующему абзацу.

Только теперь он отвлекся. Не только потому, что писал о «жестком» сексе — он почти рассмеялся над своей собственной игрой слов — но, кроме того, это делало его жестким как скала. Кто мог винить его? Особенно когда у него не так давно был невероятный секс. С невероятной девушкой. Вычеркните это, невероятной женщиной. Он все еще мог ощущать ее плотный обхват вокруг его члена, все еще мог слышать эротичный звук стука кровати о стену, когда он вбивался в нее.

Погодите, нет, это был на самом деле стук. В его дверь. Он взглянул на время, прежде чем закрыть ноутбук. Было почти десять. Джейлин была единственной женщиной, которая могла побеспокоить его так поздно вечером, не то чтобы он думал, что это поздно. По крайней мере, он надеялся, что это была Джейлин. Крайний срок сдачи быстро приближался, и ему следует сосредоточиться на словах. Но Джей была очень радостным

отвлечением.

Он улыбался, когда открывал дверь, и все еще улыбался, когда рассматривал ее. Она была одета в короткую джинсовую юбку и майку на тонких бретелях — боже, как же его словарный запас по теме «Мода» вырос с тех пор, как он пишет женские романы — которая обтягивала ее грудь и углубляла линию декольте. Он, вероятно, мог бы увидеть ее грудь, если бы она не держала что-то перед собой. Книга. Она держала книгу.

Бл*дь. Она держала его книгу.

Она знала? Она не могла знать. Это было невозможно. Он был таким осторожным. Может, она просто приобрела экземпляр, потому что обсуждение этой книги привело к самому невероятному сексу — в его жизни, по крайней мере. Если не считать, что она держала в руках массовое издание для супермаркетов, которого еще не было в свободном доступе, это означает... ну, он не был уверен, что это означало. Она получила подписанный экземпляр на одной из его распродаж? Он отправил почтой несколько экземпляров пару недель назад и, хоть еще не знал ее тогда, был уверен, что обратил бы внимание на адрес, так как собирался переехать в этот район.

Тот факт, что книга у нее есть, еще не означает, что она знала, что он ее написал. Или знала? Черт, ему нужно было раньше прояснить все и рассказать ей. Ноа оттягивал это слишком долго, чтобы возникла неловкость, и из собственного опыта он знал, что это не принесет ничего хорошего в первые дни зарождающихся отношений.

Все эти мысли пронеслись у него в голове за долю секунды, поэтому он не мог быть уверенным, что она заметила его панику, но если он ничего не скажет в ближайшее время, то это станет очевидным. Он нарушил тишину старым добрым приветствием:

— Привет!

Следует ли ему притянуть ее к себе для поцелуя? Он хотел. Это было бы естественно, но не слишком ли долго он ждал?

Джейлин помогла, взяв ситуацию в свои руки.

— Могу я войти?

Прямолинейная женщина — это просто здорово. Боже, храни феминисток.

— Конечно. Входи. — Как только закрыл за ней дверь, он сделал глубокий вдох и собрался. Если она знала, по крайней мере, она пришла обсудить это с ним. Если не знала, тогда настало время узнать. Когда он повернулся к ней, то был готов.

И она тоже.

— Кажется, нам нужно поговорить, — сказала она в то же время, когда он произнес:

— Нам нужно поговорить.

Они обменялись неловкими смешками, и все чего он хотел, это заключить ее в свои объятия и отнести в спальню. Но между ними было это. Книга. Боже.

Он потер тыльную сторону шеи и решил дать ей слово первой.

— Итак. Что с книгой? — Он кивнул в сторону «Просвещения женщин», которую Джей все еще прижимала к себе, как щит.

— Я, ух... — Она спрятала руки — и книгу — за спиной. — Сначала, мне нужно кое-что сказать. Прошлой ночью и предыдущей ночью, и сегодня утром... все это было невероятным. Это открыло мне глаза и освободило, я думаю. Я понятия не имела, что все может быть так. Что я могу быть такой. Спасибо.

Это начало прощальной речи? Потому что звучит все именно так. Это именно так — она бросает его и приносит его собственную чертову книгу в качестве утешительного приза.

Боже, неужели он никогда не избавится от клейма своей работы?

Ладно, раз это было расставание, он тоже сможет вставить свои пять копеек, пока есть такая возможность.

— Это я должен тебя благодарить. Ты доверилась мне, а это много значит. — Сейчас он заставил их невероятный секс казаться стандартным обменом между терапевтом и пациентом. И поэтому он добавил: — И это было горячо. Очень горячо.

— Очень горячо. — Она покраснела, а в его штанах стало тесно.

Затем он начал обдумывать значение этих двух слов. Сказала бы она это, если бы собиралась порвать с ним? Может, за этим должно было последовать «но»? И если так, почему она этого еще не сказала?

После, казалось, целой вечности, она прочистила горло:

— Что приводит нас к этому.

И снова появляется книга.

Он уставился на знакомую обложку, вспоминая какую гордость испытал, когда издатель впервые открыл ее. Это был его прорыв в литературный мир — мир, который он любил больше всего. Он поиграл с несколькими разными жанрами, пока изучал английский в университете и на протяжении нескольких последующих лет. Он даже не был уверен, что писательство — его будущее; он рассматривал редактуру или работу агента. Эксперимент с эротическим романом оказался золотой жилой. Он стал своим собственным агентом, и книга приобрела успех. Она понравилась читателям. Первый роман занял верхнюю позицию чартов. Он был потрясен, что его мечта сбылась.

Он не думал, что будет так много критики. Не только плохие отзывы, а также критика его как личности. Как мужчина может писать о таких скандальных вещах? Был ли он каким-то сексуально озабоченным придурком? Честно говоря, он просто хорошо умел излагать историю. А она оказалась грязной.

Но из-за осуждений, которые получал ежедневно, он решил не привлекать внимания. Иногда он хотел, чтобы его псевдоним тоже оставался в секрете. Его семья была унижена. Он редко появлялся на публике, и еще реже рассказывал людям, которые не работали в этой сфере, чем он зарабатывает себе на жизнь. Особенно таким людям, как Джей. Основываясь на том, как резко она отреагировала на предмет книги, он был уверен, ей не понравится, что именно он ее написал. В любом случае, он должен был рассказать ей.

Что-то подсказывало ему, что она уже знает.

Ничего не оставалось, кроме как выяснить. Он кивнул на книгу в руках Джей:

— Не хочешь рассказать мне, откуда она у тебя?

— Эм. Из твоей кладовки? — Она сказала это с вопросительной интонацией, а затем исправилась: — Я имею в виду, я взяла ее у тебя в кладовке.

Из всех ответов, что он ожидал услышать, этого он не предполагал.

— В моей кладовке?

— Прости. Я вынюхивала. — Она опустила взгляд, будто изучая свои голые ноги.

— Ты лазила в моей кладовке? В моих личных вещах? — Все беспокойство о ее реакции на его род занятий рассеялось, когда другое чувство взяло верх — ярость. Может, это был просто защитный механизм, который работал так, чтобы он не чувствовал вины оттого, что скрывал от нее правду, но он был возмущен. Его конфиденциальность была важна. Она была ключевой. Это все, что у него было. — У тебя не было права делать это.

— Я знаю. — По крайней мере, она выглядела раскаивающейся. — Я знаю! Я

извинилась. Я даже не намеревалась делать это.

Извинилась? Его предали и все, что она могла сказать, — это «прости»? Она, бл*дь, не намеревалась? Было такое ощущение, будто его выпотрошили ножом. Это было клише, но сейчас он понимал причину существования этого изречения. Потому что именно так ощущалась эта боль.

— Ты не представляешь, как это ранит, Джей.

Она встретила его обвинение полыхающим взглядом.

— Вероятно, так же, как и то, что ты не подумал поделиться этим со мной.

Ну, тут она была права.

Они стояли в тишине, смотря друг на друга, пока Джей проводила рукой по своим коротким волосам. Множество вещей крутилось у него в голове: извинения, объяснения, отрицание. Но ничего не казалось правильным.

Джей заговорила первой.

— Послушай, я знаю, что это было неправильно, Ноа. Да. Я на самом деле не намеривалась что-то вынюхивать. Я искала футболку, а книги были под ней. И я думала, это были наркотики, и ты никогда не рассказывал мне, чем зарабатываешь на жизнь, поэтому подумала, что это именно то, о чем я думала. Поэтому я вроде как украла одну, чтобы иметь возможность разведать дальше, и, ну, ура, это не наркотики.

Он вспомнил футболку, в которой она была тем утром. Она была в кладовке до этого. Прямо на коробке с книгами. Коробке, которая была открыта, и кто угодно мог заглянуть в нее. Ей тяжело было устоять.

Погодите-ка. Она сказала...

— Ты подумала, что я наркоторговец?

Она издала сдавленный хрип.

— Да. Смешно, правда?

— Потому что думала, что мои книги выглядят как наркотики?

— Пакеты кокаина. Да.

Он разразился смехом. Это было слишком смешно.

— Почему ты предположила это?

— Потому что возросло число преступлений связанных с наркотиками в нашем районе. И почему еще кто-то будет держать свертки, обернутые в коричневую бумагу?

Его злость улетучилась. Почему бы и нет? Он покачал головой и попытался объяснить.

— Я рассылал их по распродаже. Люди не всегда хотят, чтобы другие...

— ... знали, что они читают, — закончила она вместо него. — Я понимаю это. Теперь. В этом также больше смысла, когда я подумала о той женщине, с которой ты разговаривал. Она хотела, чтобы ты подписал ей книгу, а не пополнил ее тайник с коксом.

— Да. Меня не часто узнают на улицах, но мои фанаты очень милые. Я всегда нахожу минуту для них, когда они замечают меня. И кокаин здесь не при чем.

Она закусила губу.

— Так я сделала кое-что дерьмовое, и ты можешь наказать меня позже, если захочешь, но мы можем поговорить о более важной проблеме сейчас?

Существовала более важная проблема, чем обвинение в наркотоготовле? Ну и ну! Но ее предложение наказания заставило его мысли перейти к шалостям. Вероятно, не лучшее время, но он же был парнем, в конце концов.

Джей протянула книгу к его лицу, будто он никогда не видел ее.

— Ты написал это, Ноа. Ты написал ее и не сказал мне об этом.

Она уже знала, так почему было так тяжело признаться в этом?

И вообще, почему это было так тяжело признать? Это была его работа. Ему не было стыдно. На самом деле, он любил свою чертову книгу. А также половина женщин в Бостоне. Как та блондинка, как миллионы таких, как она. Он расправил плечи.

— Да, это написал я. Я пишу о сексе. И я также читаю такие книги. И я не сказал тебе потому что знал, ты все воспримешь ограниченно и с предрассудками, а я устал от этого, Джейлин. Не только из-за тебя, а из-за всех остальных. Вот почему я не рассказываю людям. Я не рассказываю никому. — Он тяжело вздохнул, будто тяжесть его вдоха могла каким-то образом передать все его чувства к ней. Она состроила гримасу.

— Хотела бы я сказать, что не заслужила этого, но не могу. Я была неправа относительно этого. Теперь понимаю. Но я пыталась измениться. Я доверилась тебе, а ты не доверял мне. Ты собирался держать это в секрете от меня вечно? — Ее собственный вздох был таким же тяжелым, как и его, напоминая ему о том, что не только его чувства были преданы.

— Возможно. — Нет, он сказал бы ей. В конце концов. Возможно. Но он все еще чувствовал себя чуть-чуть противоречиво.

— Так не строятся отношения. Хранить секреты друг от друга? Я думала, ты хотел чего-то настоящего. Или и насчет этого я тоже ошибалась? — Она скрестила руки на груди, будто защищая свое сердце. Это сломало его.

— Нет. Нет, ты не ошибалась. Я действительно хочу чего-то настоящего с тобой. — Его руки двинулись, желая обнять ее, заверить ее, но он знал, что все не будет так гладко.

— Хорошо. Потому что я тоже хочу, чтобы у меня с тобой было что-то настоящее.

— Правда? — Он застыл, уверенный, что неправильно расслышал ее. Осуждающая Джей все еще хотела его, даже после всего этого?

— Да, правда. Вот почему я провела весь вечер, читая твою книгу. Она хороша, Ноа. Действительно хороша. — Она опустила руки по бокам, книга больше не была препятствием между ними.

— Она тебе понравилась? — Он все еще не мог поверить в то, что слышал.

— Я полюбила ее. — Она улыбнулась, впервые, и его сердце начало собираться по кусочкам.

— Несмотря на то, что ты думаешь, она унизительна для женщин? — прояснил он.

— Она не унизительна для женщин. Я сделала неправильные предположения. — Ее улыбка стала шире, вишневые губы обнажили белые зубы. Может, вместо барьера, его книга стала мостом.

— Знаешь, что говорят о предложениях...

Он улыбнулся в ответ, уже составляя план их секса. Может, это было слишком быстро, но его облегчение было таким осязаемым. Она засмеялась.

— Это о предположениях, дурачок. Это не относится к предложениям. Писатель.

— У тебя есть мои рекомендации. Я прав, ты думаешь сейчас о моей заднице?

— Я думаю, что ты — задница. — Она подошла к нему и обняла за шею.

Без колебаний он притянул ее ближе, сжимая в объятиях. Наконец, он мог показать, насколько сожалел. Да, ему следовало сделать это некоторое время назад. Прямолинейные женщины — это определенно здорово.

— Все в порядке? — спросила она, находясь так близко к его лицу, что он мог почувствовать ее дыхание на своей коже.

— Ну, ты рылась в моих вещах, я хранил от тебя секреты, но мы оба извинились, поэтому я бы сказал, что все хорошо. — Более чем хорошо, судя по эрекции, которую он ощущал между ними.

— За исключением того, что я не думаю, что ты на самом деле извинился. — Она наклонила голову назад, притворяясь, что строго смотрит на него.

— О, правда. Прости, что не рассказал тебе, Джейлин. Так много людей *предполагают*, — он нарочно сделал ударение на слове, — что если ты пишешь эротические романы, то ты извращенец, или недоумок или...

— ... угнетатель женщин? — Было мило то, как она подшучивала над собой. Так же как и он — ладно, сначала нужно закончить разговор, напомнил он сам себе.

— На самом деле, ты была первой, кто предположил такое. — Он потерся носом вдоль ее. — Я редко рассказываю людям, потому что мне плевать, что они думают обо мне. Мне нравится то, чем я занимаюсь. У меня это хорошо получается. Но причина, по которой я не рассказал тебе, была абсолютно противоположной — меня волновало то, что ты обо мне подумаешь. Ты мне нравишься.

Она вздохнула.

— Я имею в виду, ты мне действительно нравишься, Джейлин. И теперь я знаю, что ты думаешь по поводу эротических романов. И я боялся, что если ты узнаешь о том, что я их пишу, это будет конец наших отношений. — Бл*дь, слишком быстро. Он собирался выложить все свои карты на стол. Пришло время быть настоящим.

— Поэтому ты *предположил*? Это нормально? — Она нежно поддразнила его, щипая за шею. Джейлин, по всей видимости, собиралась воспользоваться этой короткой передышкой в игре власти. Он совершенно не был расстроен.

— Ты подловила меня, — пробубнил он. — Не нормально, теперь я это знаю.

— Это можно понять. — Она встретилась с ним взглядом. — Но на самом деле я имела в виду, нормально, что я прикасаюсь к тебе? Потому что ты не давал мне разрешения. — Будто он не заметил.

— Мы не в спальне. — Будто и этого он тоже не заметил.

Она моргнула пару раз и уставилась на него.

О. Он иногда тормозит. Может, он и не заметил.

— Ты хочешь оказаться в спальне?

Она беспечно пожала плечами, но он мог читать ее, как рекламное объявление на задней обложке своего бестселлера.

— Ранее упоминалось о наказании...

Когда он перекинул ее через плечо, то напомнил себе, что хочет написать об этом книгу. Он уже составлял план их счастливой концовки, когда захлопнул дверь спальни за ними.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[1] Рамен — японское блюдо с пшеничной лапшой. Фактически представляет собой недорогой фастфуд, обладающий большой энергетической ценностью и хорошим вкусом. Считается блюдом китайской, корейской и японской кухни.

[2] Букеровская премия — одна из самых престижных наград в мире английской

литературы.),

[3] Нэнси Дрю — литературный и киноперсонаж, девушка-детектив.

[4] Hustler — ежемесячный порнографический журнал для мужчин, издающийся в США.